This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Educ 1196.101

HARVARD

HARVARD UNIVERSITY

VE RI TAS

LIBRARY OF THE

GRADUATE SCHOOL
OF EDUCATION

TRANSFERRED
TO
HARVARD COLLEGE
LIBRARY

НА ПРАВАХЪ РУКОПИСИ.

А. К. Георгіевскій.

ПРЕДПОЛОЖЕННАЯ РЕФОРМА

НАШЕЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ.

Ingenia studiaque oppresseris facilius quam revocaveris — Умы и науки легче подавить, чѣмъ вновь призвать ихъ къ жизни.

(Tac. Agr. III).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій переулокъ, № 13.
1901.

Educ 1196.101

[redacted]
DEC 14 [redacted]
[redacted]

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 ноября. 1901 г.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JUN 10 1974

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Сущность новыхъ предположеній. 1

II. Значеніе науки въ наше время и педагогическое слабосиліе задуманной школы. 2

III. Педагогическое значеніе древнихъ классическихъ языковъ. 6

IV. Классицизмъ и Россія 19

V. Разгромъ гимназій въ 1849—1852 гг. и нынѣ предположенная реформа 22

VI. Демократизація средней и высшей школъ и ихъ переполненіе. 26

VII. Вредныя послѣдствія демократизаціи и переполненія среднихъ и высшихъ школъ 32

VIII. Какова была школа 1852 года?. 39

IX. Ближайшія послѣдствія задуманнаго возстановленія школы 1852 года 52

X. Окончательный результатъ крушенія классицизма— полное педагогическое банкротство страны. . 58

XI. Мѣры для коренного исправленія среднихъ учебныхъ заведеній безъ всякой ихъ ломки. . . 73

XII. Успѣхи нашего высшаго и средняго образованія подъ вліяніемъ учебной реформы 1871 г. . 74

XIII. Успѣхи нашей ученой и учебной литературы послѣ реформы 1871 г. 82

XIV. Заключеніе. 84

Приложенія.

№ 1. Разборъ учебнаго плана коммиссіи 1901 г. . . 90
№ 2. О числѣ уроковъ на древніе языки въ европейскихъ школахъ 102
№ 3. О сравнительно маломъ числѣ учениковъ, не успѣвающихъ въ греческомъ языкѣ. . . . 105
№ 4. Постепенный ходъ погрома гимназій въ 1849—1852 гг. и возникновеніе школы 1852 года. 106

I. Сущность новыхъ предположеній.

Когда лѣтомъ 1871 г. была утверждена въ законодательномъ порядкѣ учебная реформа, полагавшая въ основу высшаго научнаго образованія изученіе обоихъ древнихъ классическихъ языковъ, этотъ законодательный актъ Монарха-Освободителя былъ вездѣ привѣтствованъ какъ великій шагъ впередъ, сдѣланный Россіей на пути образованія, какъ торжество истинно-европейскаго просвѣщенія въ странѣ, которой принадлежитъ такое видное мѣсто въ семьѣ европейскихъ народовъ.

Предположенія, выработанныя нынѣ коммиссіей, бывшею при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія съ 28-го мая по 7-е іюня сего 1901 г. [1]), способны, напротивъ, пробудить тревожныя сомнѣнія относительно дальнѣйшихъ успѣховъ Россіи въ дѣлѣ науки и просвѣщенія.

Предположенія эти какъ бы клонятся къ тому, чтобы положить въ Россіи конецъ образованію не только

---

[1]) Далѣе эта коммиссія, для краткости, называется просто коммиссіей 1901 года.

классическому, но и реальному, и обратить нынѣ существующія 191 гимназію, 45 прогимназій и 113 реальныхъ училищъ въ единообразныя среднія школы низшаго порядка по образцу школы 1852 г., столь же многопредметныя и легковѣсныя, столь же лишенныя всякаго педагогическаго сосредоточенія, съ такимъ же раздвоеніемъ въ высшихъ четырехъ классахъ, при чемъ закрыть въ гимназіяхъ VIII классъ и приготовительный (а въ реальныхъ училищахъ только классъ приготовительный), выбросить изъ гимназій греческій языкъ, а латинскій, какъ и въ школѣ 1852 г., сохранить только для желающихъ, по 4 урока въ классѣ, начиная съ IV-го, всего въ количествѣ 16-ти уроковъ, и вдобавокъ еще, чего не было въ 1852 г., приравнять курсъ низшихъ трехъ классовъ къ курсу низшихъ училищъ (уѣздныхъ или городскихъ по Положенію 1872 г.) и посвятить всего 4 класса собственно среднему образованію.

II. Значеніе науки въ наше время и педагогическое слабосиліе задуманной школы.

Такія школы, очевидно, не могли бы замѣнить собою не только гимназій, но и реальныхъ училищъ, и не могли бы готовить учащееся въ нихъ юношество для науки, а гдѣ нѣтъ средней школы, подготовляющей для науки, тамъ не можетъ быть и самой науки. Возможно ли рѣшиться на то, чтобы въ наше время оставить великую страну, какъ Россія, безъ всякихъ способовъ и средствъ

къ научному образованію? Еще 30 лѣтъ тому назадъ нашъ великій публицистъ и патріотъ, большой знатокъ теоріи и практики учебно-воспитательнаго дѣла, М. Н. Катковъ, съ глубокою вѣрностью мысли и съ творческою силою слова писалъ: „Въ наше время наука стала господствующей силой: все ищетъ ея содѣйствія, ея союза, и все вынуждено считаться съ нею. Если никакое государство не можетъ отставать отъ другихъ въ военномъ отношеніи, то еще менѣе дозволительна отсталость въ наукѣ. Народъ, не дѣлающій усилій сравняться съ другими въ умственномъ отношеніи, народъ, обрекающій себя на вѣчныя ученическія отношенія къ другимъ народамъ, тѣмъ самымъ отрекается отъ права на самостоятельное существованіе. Никакая народность не можетъ заслуживать уваженія и успѣвать въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, если она не обладаетъ достаточнымъ запасомъ силъ для самостоятельной производительности въ дѣлѣ мысли, разумѣнія, знанія. Наука есть принципъ и сила всякаго прогресса въ наше время. Только наука можетъ возвысить наши матеріальныя средства; только она же, въ своей зрѣлости, можетъ въ наше тревожное и исполненное движеній время защитить насъ отъ всякихъ лжеученій. Забота о наукѣ есть одна изъ самыхъ священныхъ обязанностей государства. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ интересѣ науки, государство не должно дѣлать никакихъ, въ ущербъ ей, уступокъ чему бы то ни было: иначе оно погубитъ себя, а вмѣстѣ и всѣ великіе интересы, ввѣренные его охранѣ. А потому государство въ интересѣ науки и собственнаго благосо-

стоянія должно паче всего заботиться о томъ, чтобы подрастающія поколѣнія, которыя готовятся къ занятіямъ науками въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, становились и въ умственномъ отношеніи достаточно къ тому зрѣлыми". Коммиссія 1901 г. была ли этимъ достаточно озабочена, и въ своей поспѣшности не забыла ли она ту несомнѣнную истину, что школа дѣйствуетъ противно цѣлямъ воспитанія, если она ставитъ себѣ задачею всему научить понемногу, обо всемъ сообщить разныя свѣдѣнія, которыя ей покажутся интересными, важными и полезными, и что она должна заботиться вовсе не объ этомъ многознайствѣ, а о томъ, чтобы пріучить юныя силы мало-по-малу, безъ напряженія и надрыва, къ серіозному и сосредоточенному умственному труду, вызвать всѣ способности, развить ихъ по возможности равномѣрно, укрѣпить и умножить ихъ, утвердить въ умѣ лучшіе навыки, которые должны стать для него второю природой, ознакомить его со всѣми процессами и пріемами человѣческой мысли не на словахъ, а на дѣлѣ, на собственномъ трудѣ, вкоренить въ молодомъ умѣ чувство истины, чувство положительнаго знанія и яснаго понятія. Умъ воспитанный и окрѣпшій, самъ, безъ помощи учителей, легко пріобрѣтетъ всѣ разнообразныя свѣдѣнія, какія ему понадобятся.

Прямая и главная цѣль школы—всестороннее развитіе и воспитаніе ума, а для этого учебныя въ ней занятія должны сосредоточиваться на предметѣ, на которомъ могли бы быть упражняемы постепенно и послѣдовательно всѣ умственныя силы учащихся въ мѣру

ихъ возраста отъ начала и до конца ихъ ученія въ средней школѣ. Что̀ же въ этомъ отношеніи даетъ школа, предположенная коммиссіей 1901 года? Очень немногое, собственно только одну математику. Но одной математики, какъ ни драгоцѣнна она въ учебномъ отношеніи, далеко не достаточно: она слишкомъ суха и одностороння; она ничего не говоритъ ни воображенію, ни сердцу, и не дѣйствуетъ вовсе на волю. Никакія же другія науки, въ спеціальномъ значеніи этого слова, въ средней школѣ невозможны, и вотъ почему истинно-воспитательная школа, подготовляющая ко всѣмъ наукамъ, сосредоточиваетъ учебныя занятія своихъ питомцевъ на языкахъ. Математика и систематическое изученіе языка, вотъ единственные предметы для серіознаго научнаго занятія въ томъ возрастѣ, для котораго предназначена средняя школа. Ни отечественный языкъ, однако же, ни новые иностранные языки, не могутъ стать предметомъ такого систематическаго изученія и анализа, какіе возможны лишь по отношенію къ языкамъ вполнѣ установившимся и отжившимъ, къ языкамъ классической древности, а потому древніе языки, въ нераздѣльномъ единствѣ между собою, служатъ истиннымъ педагогическимъ средоточіемъ, истиннымъ педагогическимъ свѣтиломъ той школы, которая должна готовить юношество къ серіознымъ научнымъ занятіямъ. Между тѣмъ древніе-то языки и обрекаются теперь на совершенное почти изгнаніе изъ нашей средней школы. Съ тѣмъ вмѣстѣ задуманная коммиссіей школа, лишенная всякаго педагогическаго средоточія, является шко-

лою многопредметною, слабосильною и неспособною готовить своихъ питомцевъ для науки [1]).

III. Педагогическое значеніе древнихъ классическихъ языковъ.

Вопросъ объ умственномъ воспитаніи, какое необходимо для дальнѣйшаго зрѣлаго занятія спеціальными науками, вполнѣ разъясненъ не только въ иностранной, но и въ нашей литературѣ,—въ послѣдней особенно трудами незабвеннаго М. Н. Каткова [2]),—и что̀ еще важнѣе, вопросъ этотъ вполнѣ разъясненъ самою жизнію европейскихъ народовъ, въ томъ числѣ и русскаго. „При установленіи нормы такого воспитанія въ странѣ,—справедливо говорилъ М. Н. Катковъ слишкомъ 30 лѣтъ тому назадъ (11-го мая 1871 г.),—произволъ неумѣстенъ. Слѣдовать чьимъ-либо мнѣніямъ, какъ бы ни казались они остроумны, основательны и убѣдительны, опасно. Всякая ошибка въ этомъ дѣлѣ можетъ сопровождаться пагубными послѣдствіями, и всякій экспериментъ надъ цѣлою страной въ этомъ отношеніи былъ бы дѣломъ непозволительнымъ, скажемъ болѣе, преступнымъ“.

---

[1]) Болѣе подробный разборъ учебнаго плана коммиссіи см. въ Приложеніяхъ № 1.

[2]) Статьи М. Н. Каткова по этому предмету, печатавшіяся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ съ 1864 и по 1871 г., были изданы отдѣльною книжкой Софіей Николаевной Фишеръ подъ заглавіемъ: „М. Н. Катковъ. Наша учебная реформа“. Москва, 1890 г. Въ настоящей запискѣ многое дословно заимствовано изъ этихъ замѣчательныхъ статей.

Остается лишь одно — руководиться опытомъ тѣхъ странъ, гдѣ наука достигаетъ наивысшаго своего уровня. Страны эти: Германія, Англія и Франція. Какая же школа въ этихъ странахъ готовитъ юные умы къ наукѣ? Школа эта по преобладающему въ ней учебному предмету можетъ быть названа греко-римскою, ибо въ ней на латинскій и греческій языки назначается обыкновенно около половины всего учебнаго времени (по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, въ прусскихъ гимназіяхъ 40,4% всего числа уроковъ, въ саксонскихъ 43,4%, въ вюртембергскихъ 46%, въ баварскихъ 44,7%, во французскихъ лицеяхъ 45,4%, въ англійскихъ public schools— 53%) [1]).

„Въ тѣхъ самыхъ странахъ, которыя по преимуществу отличаются живымъ развитіемъ всѣхъ интересовъ современной дѣйствительности, гдѣ процвѣтаютъ всѣ отрасли человѣческаго вѣдѣнія, гдѣ одерживаются всѣ тѣ побѣды человѣческаго ума надъ природой, которыми гордится наша современная цивилизація, во всѣхъ этихъ образованныхъ и по преимуществу практическихъ странахъ“, ко всѣмъ наукамъ безъ исключенія готовитъ одна и та же средняя школа, главнымъ средоточіемъ которой служатъ оба древніе языка, въ ихъ нераздѣльномъ единствѣ,—школа греко-римская.

„Вотъ три страны (Германія, Англія и Франція), продолжаетъ М. Н. Катковъ, три народности, равно европейскія, равно славящіяся цивилизаціей, наукой,

---

[1]) См. Приложенія № 2.

искусствомъ, плодотворною технической дѣятельностью, развитіемъ торговли и промышленности и въ то же время рѣзко и глубоко отличающіяся одна отъ другой своимъ геніемъ, своимъ характеромъ, бытомъ, религіей, учрежденіями, отличающіяся до мельчайшихъ подробностей во всѣхъ родахъ своей дѣятельности и своихъ произведеніяхъ, во многомъ крайне антипатическія одна другой и несмотря на то полагающія въ основаніе своего высшаго умственнаго образованія, почти въ одинаковой степени и силѣ, одно и то же ученіе, одну и ту же школу", греко-римскую, которая и есть истинно-европейская школа, сосредоточивающая и воспитывающая юные умы главнѣйше на обоихъ древнихъ языкахъ и тѣмъ обусловливающая процвѣтаніе всѣхъ наукъ въ Западной Европѣ.

Явленіе это не есть дѣло какого-либо случая: оно вызвано многими разумными и постоянно дѣйствующими причинами. Греческій и латинскій языки, это богатѣйшіе и совершеннѣйшіе языки въ мірѣ, обладающіе всѣми способами и средствами, какъ никакой другой языкъ, для вполнѣ соотвѣтственнаго и точнаго выраженія всѣхъ тончайшихъ оттѣнковъ мысли и чувства. Съ тѣмъ вмѣстѣ языки эти были органомъ великой исторической жизни, которая представляетъ всѣ фазы человѣческаго развитія въ извѣстныхъ предѣлахъ, всѣ типы человѣческаго творчества въ ихъ первоначальной чистотѣ и ясности, органомъ высокой и богатой культуры, самородно начавшейся и достигшей своего полнаго развитія. Поэтому языки эти хранятъ на себѣ

отпечатки высокой цивилизаціи, самаго разнообразнаго творчества и утонченнаго развитія человѣческой мысли. Они совершили полный циклъ своего развитія и затѣмъ умерли, исчезли изъ живого народнаго обихода. Это имъ ставится въ укоръ нашимъ невѣдѣніемъ; это несомнѣнно уменьшаетъ ихъ рыночную, торговую цѣнность, но это чрезвычайно возвышаетъ ихъ цѣнность научную. Мы имѣемъ въ нихъ вполнѣ завершившіеся и развившіеся, законченные организмы. Притомъ же, не принадлежа болѣе никакому изъ современныхъ народовъ, они принадлежатъ всему европейски-образованному человѣчеству и могутъ быть предметомъ самаго тщательнаго, самаго усидчиваго и непрерывнаго изученія безъ какой-либо опасности для изучающихъ измѣнить своей національности и внутренно переродиться въ какого-либо иноземца. На этихъ языкахъ существуетъ богатѣйшая и разнообразнѣйшая литература, своимъ богатствомъ, своею оригинальностью, своимъ изяществомъ превосходящая всякую другую литературу. Особенно же греческая литература не имѣетъ себѣ подобной какъ по оригинальности и самородности, такъ и по богатству идей, по изяществу формъ, по полнотѣ проявленій человѣческаго духа; въ ней нѣтъ ничего условнаго, ничего заимствованнаго, но сама она имѣла самое обширное и глубокое вліяніе, прямое или косвенное, на всѣ послѣдующія движенія и развитія человѣческой мысли. Въ довершеніе всего, обоимъ классическимъ языкамъ, особенно же греческому, суждено было стать орудіемъ распространенія, утвержденія и всесторонняго

внутренняго развитія христіанства, такъ что безъ этихъ языковъ нельзя имѣть прямого доступа къ источникамъ христіанскаго вѣроученія, нравоученія и богослуженія. Языки эти съ ихъ литературой легли въ основу всего европейскаго образованія, начиная съ Возрожденія наукъ, и на нихъ воспиталось и воспитывается все, чѣмъ гордится всемірное образованіе и наука, такъ что элементы ихъ вліянія встрѣчаются во всѣхъ формаціяхъ мысли и жизни образованнаго христіанскаго человѣчества. Съ тѣмъ вмѣстѣ они стали предметомъ самой тщательной разработки ученой и педагогической, которой въ продолженіе вѣковъ было посвящено столько генія, ума и труда и благодаря которой въ нихъ все взвѣшено, измѣрено и разсчитано, такъ что грамматика ихъ представляетъ стройную систему строгихъ и неизмѣнныхъ правилъ, какихъ не можетъ и не долженъ имѣть живой языкъ.

Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, — и природному богатству и совершенству этихъ языковъ, и ихъ могучему самородному и всестороннему литературному развитію, и ихъ ни съ чѣмъ несравнимому историческому значенію какъ общей основы всего европейскаго образованія, и, наконецъ, ихъ удивительной ученой и педагогической разработкѣ, какою не можетъ похвалиться никакой другой языкъ и едва ли какой-либо другой учебный предметъ,—благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, въ новѣйшее время, когда наука и разумѣніе стали первенствующими силами въ жизни народовъ, эти языки стали предметомъ учебной концентраціи, орудіемъ воспи-

танія юныхъ умовъ къ высшимъ призваніямъ мысли и дѣятельности, и это послѣднее, ничѣмъ незамѣнимое, значеніе обоихъ классическихъ языковъ, значеніе педагогическое, есть новая наступившая для нихъ историческая жизнь, конца которой не предвидится, пока европейскіе народы останутся вѣрны основамъ своей цивилизаціи и не отрекутся отъ возвеличившей ихъ науки, къ которой вѣрнѣйшимъ и надежнѣйшимъ путемъ служитъ именно греко-римская школа.

Высказываемое иногда у насъ мнѣніе, будто бы древніе языки уже отжили свое время и утратили свою великую педагогическую силу для европейскихъ народовъ, несогласно ни съ вышеприведенными фактами дѣйствительности, изъ коихъ усматривается, что въ европейскихъ школахъ, которыя готовятъ юношество къ наукамъ, болѣе $^2/_5$ всего учебнаго времени посвящается древнимъ языкамъ, ни съ существомъ дѣла, ни съ природою и историческимъ значеніемъ этихъ языковъ, какъ главныхъ хранителей цивилизаціи классической древности. Нѣтъ сомнѣнія, что все, что̀ есть низменнаго въ современномъ мірѣ, какъ: утилитаризмъ, матеріализмъ, демократизмъ и анархизмъ, все подкапывается подъ классическое образованіе; но чтобы всѣмъ этимъ низменнымъ стремленіямъ удалось одержать верхъ надъ этою общею основою европейскаго образованія, для этого нѣтъ никакихъ указаній или признаковъ. Бѣда въ этомъ отношеніи грозитъ, повидимому, только одной Россіи, бѣда нежданная и негаданная, совсѣмъ случайная, надвинувшаяся на нее, очевидно, какъ слѣдствіе не

[illegible]

танія юныхъ умовъ къ высшимъ призваніямъ мысли и дѣятельности. И это послѣднее, ничѣмъ незамѣнимое значеніе обоихъ классическихъ языковъ, значеніе педагогическое, есть новая наступившая для нихъ историческая жизнь, конца которой не предвидится, [illegible] пейскіе народы останутся вѣрны основамъ своей цивилизаціи и не отрекутся отъ возвеличившей ихъ и [illegible] къ которой вѣрнѣйшимъ и надежнѣйшимъ [illegible] именно греко-римская школа.

Высказываемое иногда у насъ [illegible] древніе языки уже отжили свое [illegible] великую педагогическую силу [illegible] довъ, несогласно ни съ [illegible] дѣйствительности, изъ коихъ [illegible] европейскихъ школахъ [illegible] къ наукамъ, болѣе [illegible] щается древнимъ языкамъ [illegible]

съ природою и [illegible]
ковъ, какъ главн[illegible]
ской древности.
меннаго въ со[illegible]
матеріализмъ, [illegible]
вается подъ [illegible]
этимъ низ[illegible]
надъ эт[illegible]

а
ie
и-
въ
ото-

имѣющихъ ничего общаго съ классицизмомъ анархическихъ движеній въ средѣ русскихъ студентовъ: анархизмъ и тутъ неминуемо является злѣйшимъ врагомъ классицизма, на ряду съ неразуміемъ и недомысліемъ.

Ничѣмъ незамѣнимое педагогическое значеніе древнихъ языковъ возвышается еще тѣмъ, что языки эти могутъ стать предметомъ серіознаго изученія и анализа во всякомъ возрастѣ, и даже въ самомъ юномъ (въ Германіи обыкновенно съ 9-ти лѣтъ отъ роду). Какъ элементарная математика, такъ и латинская или греческая грамматика изучаются совершенно въ одинаковомъ родѣ какъ человѣкомъ взрослымъ, такъ и малолѣтнимъ. Эти предметы не измѣняются въ своей сущности, приноравливаясь къ возрасту. Дѣти занимаются ими такъ же серіозно, такъ же научно, какъ и взрослые, и претворяютъ изучаемое въ свое достояніе точно такими же умственными процессами. Сверхъ того сущность преподаванія какъ древнихъ языковъ, такъ и математики, наименѣе зависитъ отъ личныхъ воззрѣній или произвола преподавателя, и, наконецъ, вмѣстѣ съ математикою и значительно болѣе математики, древніе языки драгоцѣнны для школы тѣмъ, что въ нихъ каждое вновь сообщенное знаніе немедленно примѣняется къ дѣлу, ведетъ за собою соотвѣтственное упражненіе и претворяется въ умѣнье.

Когда 15-го мая и 4-го іюня 1864 года въ Соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Государственной Экономіи Государственнаго Совѣта рѣчь шла о томъ, чтобы вновь, послѣ разгрома гимназій въ 1849 и 1852 гг.,

признать изученіе греческаго и латинскаго языковъ за основаніе общаго, приготовительнаго къ университету, образованія, 4 члена: графъ С. Г. Строгоновъ, графъ Ѳ. П. Литке, Е. П. Ковалевскій и бывшій въ то время Министромъ Народнаго Просвѣщенія статсъ-секретарь А. В. Головнинъ, сочли за должное подробно разъяснить важное дидактическое значеніе древнихъ языковъ. „*Во-первыхъ*, говорили они, нигдѣ не развивается такъ *самостоятельность* ученика, какъ при изученіи древнихъ языковъ: здѣсь, едва ученикъ выучитъ какое-нибудь правило, ему даются примѣры, которые онъ самъ долженъ перевести, при чемъ самъ онъ рѣшаетъ, какъ и гдѣ онъ можетъ приложить заученное правило. Существенную часть занятій древними языками составляютъ переводы съ этихъ языковъ. Конструкція ихъ, совершенно несходная съ конструкціей нашего языка, богатство и разнообразіе ихъ формъ дѣлаютъ то, что ученикъ долженъ употребить всѣ усилія своего ума, долженъ трудиться, чтобы проникнуть мысль, которая выражена въ его урокѣ. Онъ самъ долженъ обратить вниманіе на всѣ формы слова, на взаимное ихъ отношеніе, и такимъ образомъ путемъ размышленія и анализа добраться до мысли.

„*Во-вторыхъ*, ни въ одной наукѣ нѣтъ такой *постепенности*, какъ въ древнихъ языкахъ. Сначала изучаются формы, что̀ составляетъ дѣло памяти, и даются самые легкіе примѣры, совершенно по силамъ мальчика, начинающаго учиться. Далѣе дѣло становится серіознѣе: въ синтаксисѣ изучаются такія отношенія понятій, кото-

рыхъ нѣтъ въ русскомъ языкѣ и которыхъ нельзя понять безъ особеннаго усилія. Для переводовъ сперва назначается писатель самый легкій, излагающій факты съ классической простотой и ясностью. Потомъ писатели идутъ все труднѣе, нужно уже обращать вниманіе на жизнь древнихъ, чтобы понять вполнѣ, что̀ говорится въ нихъ. Понемногу открывается передъ ученикомъ жизнь древняго міра во всемъ ея развитіи, и самое несходство понятій и выраженій древняго и новаго міра даетъ ученику возможность изучить и тотъ, и другой, и притомъ изучить силою своихъ самостоятельныхъ трудовъ. Учитель только руководитъ, дополняетъ то, что̀ ученикъ опустилъ, поддерживаетъ его тамъ, гдѣ онъ не можетъ самъ одолѣть трудностей.

„Наконецъ, *въ третьихъ*, ни въ одной наукѣ нѣтъ такой *непрерывности*, какъ въ древнихъ языкахъ: всякое заученное правило, всякая извѣстная ученику форма можетъ понадобиться ему для каждаго урока; каждый урокъ, въ которомъ онъ идетъ впередъ, есть въ то же время повтореніе прежняго. Ничто не можетъ быть опущено; на каждомъ шагу ученикъ постоянно пользуется своими знаніями; они не остаются у него мертвыми, но въ каждомъ урокѣ прилагаются къ дѣлу. Сверхъ этихъ педагогическихъ достоинствъ, древніе языки имѣютъ еще и другія преимущества: ученикъ изучаетъ языкъ вполнѣ развитый, остановившійся на высшей точкѣ своего развитія: въ немъ все уже опредѣлено, все окончено, и притомъ все такъ отлично отъ духа новыхъ языковъ, что ученикъ ни въ чемъ не можетъ

безсознательно догадываться, но все долженъ понять усиліями своего ума".

Трудность изученія древнихъ языковъ, начиная съ элементовъ, постепенно возрастаетъ по мѣрѣ возрастанія самихъ учащихся, такъ что въ занятіи этими языками вызываются, въ естественной послѣдовательности, всѣ душевныя способности человѣка, и въ ходѣ ихъ изученія соблюдается строгая постепенность отъ низшаго къ высшему, отъ легчайшаго къ болѣе трудному, отъ внѣшняго ко внутреннему. Притомъ же изученіе древнихъ языковъ и ихъ авторовъ, развивая умъ, въ то же время научаетъ и обогащаетъ его. Грамматическое ученіе классическихъ языковъ есть фактическая логика, которая не налагается на учащихся, но сама собою вырабатывается въ ихъ умѣ, и они усвоиваютъ себѣ всѣ пріемы мысли, какіе требуются для самостоятельнаго занятія наукой, и пріучаются къ умственному труду. Въ этомъ отношеніи изученіе древнихъ языковъ называется обыкновенно умственною гимнастикой.

Но этою умственною гимнастикой недостаточно опредѣляется значеніе древнихъ языковъ при воспитаніи. Они не только формально развиваютъ умственныя силы учащихся, но и оплодотворяютъ и обогащаютъ ихъ. Посредствомъ изученія этихъ языковъ, учащіеся знакомятся не чрезъ чужіе пересказы, а собственнымъ чувствомъ и собственною мыслью, съ великими основными фактами умственной жизни всего образованнаго человѣчества. Они усвоиваютъ себѣ содержаніе великихъ произведеній, которыя составляютъ наслѣдіе всѣхъ ци-

вилизованныхъ народовъ, родня ихъ между собою. Учащіеся собственнымъ живымъ изученіемъ знакомятся со всѣми формами умственной дѣятельности человѣка въ ихъ самыхъ простыхъ, чистыхъ и ясныхъ очертаніяхъ. Читая со своими воспитанниками древнихъ авторовъ, гимназія не пускается въ неумѣстныя научныя изслѣдованія историческаго, филологическаго, философскаго и тому подобнаго свойства; она довольствуется только разъясненіями, необходимыми для ближайшаго уразумѣнія читаемаго; но это чтеніе есть занятіе одного качества съ занятіями наукой въ высшемъ значеніи этого слова.

Чтеніе авторовъ производится въ системѣ, выработанной наукою и педагогическимъ опытомъ. Самое свойство чтенія таково, что учащіеся не скользятъ поверхъ читаемаго, какъ это бываетъ при чтеніи писателей отечественнаго языка, но по необходимости вникаютъ отчетливо въ читаемое, добиваясь уразумѣнія полнаго смысла борьбой со всѣми подробностями выраженія. Тутъ нѣтъ простора никакой неопредѣленности; ежедневно въ умахъ учащихся проводится явственная черта между знаніемъ и незнаніемъ, и въ нихъ вырабатывается драгоцѣннѣйшее для науки чувство различія между ясно и неясно понятымъ.

Ко всѣмъ этимъ преимуществамъ изученія древнихъ языковъ должно присоединить еще то, что чрезъ нихъ учащіеся овладѣваютъ всего вѣрнѣе средствами своего собственнаго языка. Изученіе древнихъ языковъ есть въ то же время и изученіе своего родного языка. Из-

учая ихъ, что̀ иное дѣлаетъ учащійся, какъ не сравниваетъ съ ними непрерывно, шагъ за шагомъ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ оттѣнкѣ выраженія, свой родной языкъ?

Вмѣстѣ съ тѣмъ, изученіе древнихъ языковъ, развивая грамматическій смыслъ учащихся, много облегчаетъ имъ изученіе новыхъ иностранныхъ языковъ: при тѣхъ же самыхъ весьма плохихъ учителяхъ новыхъ иностранныхъ языковъ и при значительно меньшемъ числѣ уроковъ наши гимназисты все-таки болѣе успѣваютъ въ этихъ языкахъ, чѣмъ реалисты.

При всѣхъ этихъ условіяхъ весьма естественно, что древніе языки легли въ основу общеевропейской образовательной школы, и признаются равно необходимыми какъ для будущаго математика, такъ и для будущаго филолога, какъ для врача, такъ и для юриста, какъ для богослова, такъ и для естествоиспытателя, ибо для всѣхъ спеціальностей знанія прежде всего необходимъ умъ, созрѣвшій въ систематическихъ серіозныхъ занятіяхъ, пріученный къ самостоятельному труду, обогащенный имъ, всесторонне-развитый и цивилизованный. Только путемъ изученія древнихъ языковъ въ средней школѣ пріобрѣтается полное право гражданства въ мірѣ науки и то воспитаніе, безъ котораго невозможна истинная ученость ни по какой отрасли знаній.

Этими истинами глубоко проникнутъ весь ученый и педагогическій міръ Запада и даже представители его торговыхъ и промышленныхъ интересовъ.

„Классическое образованіе,—говоритъ Рибо, бывшій президентъ французскихъ министровъ и президентъ коммиссіи, наряженной палатою депутатовъ въ началѣ 1899 г. для всесторонняго изслѣдованія положенія средняго образованія во Франціи,—имѣетъ вездѣ убѣжденныхъ защитниковъ и внѣ университета (то-есть, учебнаго вѣдомства), университетъ же остается глубоко ему преданъ. Коммерческія палаты большихъ городовъ Франціи энергически высказались въ его пользу. Это показываетъ, какіе могучіе корни классическое преподаваніе имѣетъ въ нашей странѣ, какую силу надъ умами и воображеніемъ, и, дѣйствительно, классическое образованіе оказало неоцѣнимыя услуги французской культурѣ. Его исчезновеніе было бы несчастіемъ, съ которымъ не могли бы примириться самые рьяные приверженцы реальнаго образованія“ (Alexandre Ribot.—La réforme d'enseignement secondaire. Paris. 1900. Стр. 73). Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 20 сентября 1901 г. пишутъ изъ Брюсселя: „Имѣвшій недавно мѣсто въ Брюсселѣ конгрессъ по вопросамъ средняго образованія закрылся, и протоколы засѣданій его уже извѣстны. Какъ и слѣдовало ожидать, вопросъ о сохраненіи или упраздненіи мертвыхъ языковъ въ программѣ средней школы служилъ главнымъ предметомъ дебатовъ. Въ результатѣ рѣшено сохранить преподаваніе греческаго и латинскаго языковъ въ видахъ интеллектуальнаго образованія учащихся и развитія въ нихъ эстетическаго чувства“.

IV. Классицизмъ и Россія.

Что касается до насъ, русскихъ, то ни одинъ изъ европейскихъ народовъ не имѣетъ историческихъ преданій, которыя сближали бы его съ Греціей болѣе, чѣмъ нашъ народъ. Достаточно сказать, что греческій языкъ есть исконный, священнѣйшій языкъ всей христіанской церкви, но въ особенности церкви Православной, что греческій языкъ открываетъ прямой доступъ не только къ Св. Писанію Новаго Завѣта въ основномъ его текстѣ, но и ко всѣмъ сокровищамъ нашихъ церковныхъ пѣснопѣній и молитвъ, въ подлинникѣ, равно какъ и къ источникамъ византійской исторіи, съ которою роднитъ насъ и наше православіе, и наше самодержавіе, и которая отъ православныхъ русскихъ ученыхъ еще ожидаетъ себѣ безпристрастныхъ изслѣдователей. Да и самъ русскій языкъ, при посредствѣ языка церковно-славянскаго, развивался подъ вліяніемъ языка греческаго, и безъ знанія этого языка едва-ли можетъ быть научно разрабатываемъ.

„Съ чего началась исторія нашей новой литературы,—говоритъ М. Н. Катковъ,—съ чего начался нашъ нынѣшній литературный языкъ? Кто далъ намъ грамматику нашего языка? Кто вышколилъ нашъ языкъ въ строгомъ періодѣ (по образцу Цицероновскаго)? Кто далъ намъ русскую прозу и русскій стихъ? Кто первый внесъ въ нашу народность духъ науки и коснулся рукою мастера почти всѣхъ спеціальныхъ знаній своего

времени, и физико-математическихъ, и естественныхъ, и филологическихъ? Архангельскій рыбакъ, воспитавшійся въ Московской греко-латинской академіи. Вотъ съ чего началась исторія русскаго образованія на европейской почвѣ, вотъ откуда пошла наша литература, наша наука! Мальчикъ, выхваченный судьбою изъ самой глубины русскаго народа и приведенный ею въ греко-латинское училище, вотъ кто первый у насъ сталъ на почву европейской науки! Вотъ многознаменательный символъ и примѣръ, взятый изъ нашей собственной исторіи! Ломоносова одушевляла мысль:

Что будетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

„Увы, эта надежда, одушевлявшая Ломоносова, до сихъ поръ сбывается плохо. Не потому ли это, что мы, погнавшись за европейскою цивилизаціей, потеряли ту почву, на которой только и возможно сравняться съ Европой и на которой стоялъ нашъ крестьянинъ изъ Архангельска“.

Найти вновь эту нейтральную общеевропейскую почву, которую представляетъ собою классическая древность, и твердо поставить на нее все дальнѣйшее научное образованіе Россіи пытался знаменитый комитетъ устройства учебныхъ заведеній, назначенный Императоромъ Николаемъ I 14-го мая 1826 г. Комитетъ этотъ состоялъ, подъ предсѣдательствомъ тогдашняго Министра Народнаго Просвѣщенія адмирала А. С. Шишкова, изъ

членовъ: бывшихъ въ послѣдствіи одинъ за другимъ также Министрами Народнаго Просвѣщенія графа Ливена и С. С. Уварова, знаменитаго графа М. М. Сперанскаго, извѣстнаго ученаго экономиста дѣйств. стат. сов. Шторха, при такомъ дѣлопроизводителѣ, какъ графъ С. Г. Строгоновъ, тогда еще полковникъ и флигель-адъютантъ. Комитетъ этотъ сильно ратовалъ въ пользу нераздѣльнаго преподаванія въ нашихъ гимназіяхъ языковъ греческаго и латинскаго, и когда въ этомъ не успѣлъ, то достигъ по крайней мѣрѣ того, что уставомъ 8-го декабря 1828 г. положено было ввести преподаваніе греческаго языка во всѣхъ тогдашнихъ Петербургскихъ и Московскихъ гимназіяхъ (предположено было имѣть ихъ по 3 въ каждой столицѣ) и въ гимназіяхъ другихъ университетскихъ городовъ, а затѣмъ „по мѣрѣ нужды и возможности преподаваніе онаго вводить и въ прочія губернскія гимназіи“, всѣхъ изучавшихъ греческій языкъ награждать чиномъ XIV класса тотчасъ по окончаніи гимназическаго курса при вступленіи ихъ въ гражданскую службу, а отличнѣйшихъ изъ нихъ награждать золотыми и серебряными медалями. Благодаря этимъ мѣрамъ къ началу 1851—1852 учебнаго года греческій языкъ преподавался уже въ 45 изъ существовавшихъ тогда 74 гимназій, что составляетъ слишкомъ 60%, и на его преподаваніе было назначено по уставу 1828 г. 30 часовъ, начиная съ IV класса, тогда какъ на латинскій языкъ 39 часовъ съ I класса, всего 69 часовъ изъ 240 (28,75%). Эти 45 гимназій съ обоими древними языками, хотя и не представляли достаточной педаго-

гической концентраціи и потому были довольно слабосильными школами, но тѣмъ не менѣе онѣ ставили наше научное образованіе на общеевропейскую почву и начинали уже приносить весьма добрые плоды. Это такъ-называемыя Уваровскія гимназіи. Имъ обязаны своимъ образованіемъ многіе изъ нашихъ ученыхъ, литераторовъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, извѣстныхъ подъ именемъ людей сороковыхъ годовъ. Пользы, принесенной этими довольно слабыми, но всетаки классическими, школами нашей литературѣ и наукѣ и вообще образованію, нельзя отрицать, и этотъ собственный нашъ опытъ только подтверждаетъ тотъ общій выводъ, что для успѣховъ науки необходима средняя школа съ обоими древними языками. То же самое подтверждаютъ и успѣхи нашего учебнаго дѣла, нашей ученой и учебной литературы послѣ реформы 1871 г. Но дѣло Уваровскихъ гимназій не успѣло еще упрочиться, какъ въ 1849 г. ихъ постигъ разгромъ, который мало-по-малу привелъ къ возсозданію изъ ихъ обломковъ школы 1852 г., нынѣ принятой за образецъ коммиссіей 1901 г.

V. Разгромъ гимназій въ 1849—1852 гг. сравнительно съ нынѣ предположеннымъ.

Разгромъ Уваровскихъ гимназій, начавшійся 21 марта 1849 г. и завершившійся 12 мая 1852 г., по существу своему совершенно сходенъ съ тѣмъ, который нынѣ предположенъ: то же изгнаніе изъ нашей средней школы

греческаго языка, то же начало преподаванія латинскаго языка съ IV класса, только для желающихъ, тѣ же 16 уроковъ на латинскій языкъ, по 4 въ каждомъ классѣ, и та же бифуркація съ IV класса. Но затѣмъ есть нѣкоторыя немаловажныя отличія, къ сожалѣнію, не въ пользу нашего времени. Прежде всего тогдашній разгромъ по размѣрамъ своимъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ, который нынѣ грозитъ всему нашему образованію. „Уваровскихъ“ гимназій было всего 74, а нынѣ гимназій 191, прогимназій 45, реальныхъ училищъ 113, всего среднихъ мужскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства народнаго просвѣщенія 349, почти въ пять разъ больше противъ 1852 года. Уваровскія гимназіи были семиклассными, и такими же остались заступившія ихъ мѣсто школы. Нынѣ же восьмиклассныя гимназіи низводятся въ семиклассныя школы, и отъ нихъ отрывается еще классъ приготовительный, котораго тогда вовсе не было. Уваровскія гимназіи не были настоящими классическими гимназіями: греческій языкъ преподавался всего въ 45 изъ нихъ, и изученіе его не было ни для кого обязательнымъ, хотя и было всячески поощряемо. Нынѣ же во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ на ряду съ латинскимъ преподается и греческій языкъ для всѣхъ обязательно [1]).

Наконецъ, тогда было сохранено 13 гимназій съ греческимъ языкомъ, теперь же предполагается сохранить всего 5, при чемъ и тогда, и теперь на оба древ-

---

[1]) О сравнительно маломъ въ нашихъ гимназіяхъ числѣ учениковъ, не успѣвающихъ въ греческомъ языкѣ, см. въ Приложеніяхъ № 3.

ніе языка назначается почти то же число учебныхъ часовъ (тогда 51 часъ, теперь 50 часовъ изъ 197, то-есть, 25,3%), и школы эти являются гимназіями болѣе по имени, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, и почти столь же слабосильными и многопредметными, какъ и школы общаго типа, хотя все-таки много ихъ лучшими, менѣе угрожающими всей будущности Россіи.

Во всякомъ случаѣ цѣль разгрома 1849—1852 гг. была ясна и очевидна: дѣло шло о сокращеніи числа студентовъ въ университетахъ. 30 апрѣля 1849 г. было Высочайше повелѣно установить комплектъ студентовъ для каждаго университета не болѣе какъ въ 300 чел., при чемъ въ послѣдствіи было опредѣлено въ этотъ комплектъ не включать студентовъ медицинскихъ факультетовъ и богословскаго факультета (въ Дерптскомъ университетѣ), но запретивъ имъ переходъ на другіе факультеты [1]). Очевидно, что при этомъ условіи необходимо было дать гимназіямъ другое назначеніе: до сихъ поръ онѣ главнѣйше готовили своихъ питомцевъ въ университеты, теперь же, начиная съ IV класса, были установлены два отдѣленія — одно, съ 16-ю уроками (20-ю учебными часами) латинскаго языка, для готовящихся въ университетъ, а другое, съ 12-ю уроками (15-ю учебными часами) русскаго законовѣдѣнія и съ прибавкою по 2 урока на русскій языкъ и на математику, для готовящихся къ гражданской службѣ, безъ всякаго права на поступленіе въ какой-либо изъ уни-

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о разгромѣ гимназій въ 1849—1852 годахъ см. въ Приложеніяхъ № 4.

верситетскихъ факультетовъ. Въ настоящее время гимназіи (кромѣ 5-и) и шестиклассныя прогимназіи и реальныя училища всѣ обращаются въ среднія школы одного и того же типа; но, начиная съ IV класса, онѣ также будутъ распадаться на два отдѣленія, и въ одномъ изъ нихъ будетъ 16 уроковъ латинскаго языка, а въ другомъ, взамѣнъ этого, будетъ дополнительныхъ 10 уроковъ черченія и рисованія и 6 уроковъ естественной исторіи; но изъ того и изъ другого отдѣленія можно будетъ итти и въ университеты и другія высшія учебныя заведенія, и въ гражданскую службу, и законовѣдѣніе будетъ равно преподаваться на обоихъ отдѣленіяхъ по 4 часа въ недѣлю. Того опредѣленнаго смысла, какой имѣли отдѣленія въ школѣ 1852 г., эти новыя отдѣленія имѣть не будутъ, и зачѣмъ они будутъ существовать, это неизвѣстно, развѣ для того только, чтобы ронять въ глазахъ учащихся и латинскій языкъ, и естественную исторію, и графическія искусства, какъ предметы, которые не признаются для всѣхъ нужными. 50 лѣтъ тому назадъ отдѣленіе безъ латинскаго языка, но съ законовѣдѣніемъ, служило своего рода громоотводомъ для университетовъ, отвлекая отъ нихъ значительную долю учащихся прямо на службу; нынѣ такого громоотвода не устраивается, и не только всѣ высшія техническія училища, но и университеты, въ тѣхъ или другихъ своихъ факультетахъ, дѣлаются доступными для всей массы учащихся въ какомъ бы то ни было отдѣленіи средней школы. Такимъ образомъ, очевидно, будетъ достигнута цѣль, совершенно противоположная

той, которая преслѣдовалась при Императорѣ Николаѣ I: будетъ не уменьшено, а напротивъ крайне увеличено число студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, особенно же университетовъ.

VI. Демократизація средней и высшей школы и ихъ переполненіе.

50 лѣтъ тому назадъ поступленіе въ то отдѣленіе, которое готовило въ университеты, заграждалось трудностью попасть въ комплектъ, установленный для университетовъ, и напротивъ поступленіе въ отдѣленіе законовѣдѣнія поощрялось предоставленіемъ окончившимъ курсъ за отличныя познанія въ этомъ предметѣ чина XIV класса при поступленіи на гражданскую службу, но только тѣмъ изъ нихъ, которые по своему происхожденію имѣютъ право на поступленіе въ гражданскую службу; относительно всѣхъ остальныхъ прямо оговорено, что для поступленія въ гимназію лица свободныхъ состояній должны предварительно представить увольнительныя свидѣтельства отъ своихъ обществъ и что тѣ изъ нихъ, которыя за свои отличные успѣхи будутъ награждены золотыми или серебряными медалями, пріобрѣтутъ этимъ только званіе личнаго почетнаго гражданина: правительство Императора Николая I, приводя въ полное разстройство среднюю школу, нисколько не заботилось при этомъ о демократизаціи ни этой школы, ни самой государственной гражданской службы. Напротивъ, предположенія комиссіи 1901 г. прямо клонятся

къ таковой демократизаціи. Такъ, по ст. 10-й принятыхъ ею основныхъ положеній, предполагается всѣмъ окончившимъ полный курсъ средней школы, *независимо отъ происхожденія, а также и особыхъ успѣховъ въ ученіи,* предоставлять чинъ XIV класса тотчасъ же по вступленіи ихъ въ гражданскую службу. Это привлечетъ массу учащихся изъ низшихъ общественныхъ классовъ, для которыхъ это преимущество чрезвычайно важно. Съ тѣмъ вмѣстѣ курсъ низшихъ трехъ классовъ этой средней школы приравнивается къ курсу уѣздныхъ и городскихъ по Положенію 1872 г. училищъ, такъ что изъ нихъ можно будетъ прямо поступать въ IV классъ по выдержаніи экзамена изъ нѣкоторыхъ предметовъ: есть большая опасность, что массы учениковъ изъ низшихъ учебныхъ заведеній ринутся въ старшіе классы средней школы и переполнятъ ихъ, а затѣмъ переполнятъ и высшія учебныя заведенія, и все это изъ низшихъ общественныхъ классовъ и съ самою плохою подготовкою: нельзя же предположить, чтобы наши вѣдомства были въ состояніи ежегодно принимать къ себѣ на службу цѣлыя тысячи новыхъ коллежскихъ регистраторовъ, выпускаемыхъ изъ этихъ новыхъ среднихъ школъ. Приманить ихъ въ эти школы и затѣмъ не давать имъ мѣстъ ни на службѣ, ни въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, это значило бы возбудить въ ихъ средѣ и въ ихъ семьяхъ всеобщее неудовольствіе и даже озлобленіе противъ правительства.

Чрезъ устраненіе латинскаго и греческаго языковъ изъ низшихъ трехъ классовъ гимназій и чрезъ прирав-

неніе курса этихъ классовъ къ курсу низшихъ училищъ—уѣздныхъ и городскихъ по Положенію 1872 г., для лицъ городскихъ сословій очень облегчится доступъ въ среднія школы и даже прямо въ IV классъ этихъ школъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ очень затруднится доступъ въ среднія школы для сыновей небогатыхъ помѣщиковъ, проживающихъ въ своемъ имѣніи, ибо, приравнивая всѣ три низшіе класса къ курсу низшихъ училищъ, имѣютъ въ виду упразднить приготовительный классъ при гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Къ этой мѣрѣ обращалось уже Министерство Народнаго Просвѣщенія въ 1887 г., предполагая, что съ упраздненіемъ приготовительнаго класса уменьшится приливъ къ гимназіямъ учащихся изъ низшихъ общественныхъ классовъ. Вышло наоборотъ: мѣра эта оказалась наиболѣе тягостною для помѣстнаго дворянства, именно для тѣхъ его членовъ, которые, проживая постоянно у себя въ деревнѣ, не имѣютъ достаточно средствъ, чтобы держать при своихъ дѣтяхъ гувернеровъ или гувернантокъ и въ то же время понятнымъ образомъ не рѣшаются посылать ихъ въ сельскія народныя училища и еще менѣе въ городскія, особенно если тѣ и другія далеко отстоятъ отъ ихъ помѣстій. Приготовительные классы при гимназіяхъ и прогимназіяхъ (въ 1887 г. ихъ еще не было при реальныхъ училищахъ, какъ предназначавшихся болѣе для лицъ изъ городскихъ сословій) представляли для этихъ небогатыхъ помѣщиковъ удобный выходъ изъ ихъ затрудненій, ибо при гимназіяхъ и прогимназіяхъ были и пансіоны, и болѣе или менѣе хорошія учени-

ческія квартиры общія и частныя, подъ ближайшимъ наблюденіемъ начальниковъ и наставниковъ, къ которымъ родители могли относиться съ полнымъ довѣріемъ. Такимъ образомъ, когда въ началѣ 1887—1888 учебнаго года приступлено было къ закрытію приготовительныхъ классовъ при гимназіяхъ и прогимназіяхъ, то противъ этой мѣры наиболѣе протестовало дворянство, и пришлось вновь открыть эти классы, такъ что къ 1-му января 1899 г. они вновь существовали уже при 204 гимназіяхъ и прогимназіяхъ и ихъ не было только при 32 изъ этихъ учебныхъ заведеній, а изъ 113 реальныхъ училищъ приготовительные классы были при 76 и ихъ не было при 37: реальныя училища, очевидно, менѣе нуждаются въ приготовительныхъ классахъ, чѣмъ гимназіи. Такъ или иначе, но 241 приготовительный классъ нынѣ обрекаются на разрушеніе, 241 учитель этихъ классовъ (такъ же, какъ и болѣе тысячи учителей древнихъ языковъ) будутъ выброшены изъ своей колеи и будутъ, по меньшей мѣрѣ, болѣе или менѣе долгое время въ смущеніи и неизвѣстности насчетъ своей участи, а главное, небогатые помѣщики, проживающіе въ деревнѣ, не будутъ знать, что̀ дѣлать имъ съ своими сыновьями и куда ихъ дѣвать. Или же имѣется въ виду требованія для поступленія въ I классъ средней школы понизить до уровня приготовительнаго класса и I классъ обратить въ приготовительный, понизивъ чрезъ то весь учебный курсъ средней школы?

Все это неясно и недостаточно выработано коммиссіей 1901 г. Ясно только одно, что всѣ ея предполо-

женія клонятся къ демократизаціи средней и высшей школы, особенно же университетовъ, и къ переполненію ихъ неподходящими для нихъ элементами.

Что же касается до упраздненія VIII-го класса гимназій, то исторія учебно-воспитательнаго дѣла представляетъ не мало примѣровъ удлиненія учебнаго курса училищъ, обращенія ихъ изъ меньшаго состава классовъ въ большій; но сокращеніе числа классовъ учебнаго заведенія и времени, назначеннаго на прохожденіе его учебнаго курса, представляется чѣмъ-то небывалымъ и противоестественнымъ, ибо съ теченіемъ времени возрастаютъ и научныя требованія отъ учащихся, и самый объемъ предметовъ, преподаваемыхъ даже и въ средней школѣ. Такъ, напримѣръ, исторія еще въ очень недавнее время заканчивалась 1815-мъ годомъ, а нынѣ, въ виду совершившихся съ 1850 г. великихъ событій, она доводится до нашихъ дней; географія также все болѣе раздвигается новыми открытіями, изслѣдованіями и еще болѣе расширеніемъ круга дѣятельности историческихъ народовъ; физика растетъ, можно сказать, не по годамъ, а по днямъ и часамъ; русскую словесность желаютъ пополнить произведеніями не только иностранныхъ литературъ, но и русской литературы до послѣдняго времени, и т. д., и хотя въ учебный курсъ средней школы могутъ войти далеко не всѣ, а только наиболѣе важные изъ твердо установившихся результатовъ новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій, но и такія пополненія все-таки говорятъ не въ пользу сокращенія времени, назначеннаго на прохожденіе учебнаго курса средней

школы. Прибавка восьмого года ученія въ гимназіяхъ была существенно-важнымъ шагомъ впередъ на пути основательнаго образованія; въ высшей степени грустно, что и въ этомъ отношеніи хотятъ итти назадъ. Если по какимъ бы то ни было соображеніямъ, экономическимъ или относящимся къ нѣкоторымъ формальнымъ удобствамъ по исполненію воинской повинности, но вовсе не научнаго и не педагогическаго свойства, признано желательнымъ омолодить на одинъ годъ контингентъ оканчивающихъ курсъ средней и высшей школы, то этого можно было бы достигнуть инымъ, безвреднымъ для воспитанія и ученія, путемъ, а именно назначивъ пріемъ въ I классъ для достигшихъ 9-ти лѣтъ отъ роду, какъ то водится въ образованнѣйшихъ странахъ Европы, или же, сокративъ, по примѣру Германіи, на одинъ годъ ученіе въ университетахъ, но уменьшивъ продолжительность вакацій и сдѣлавъ ученіе болѣе интенсивнымъ. Несравненно полезнѣе сократить на годъ время безконтрольнаго ученія въ университетахъ, нежели время подконтрольнаго ученія въ средней школѣ, если вообще сокращеніе нужно.

Сокращеніе учебнаго курса гимназій на цѣлый годъ, несомнѣнно, также повлечетъ за собою меньшую зрѣлость поступающихъ въ университеты и бо̀льшую ихъ многочисленность. Тому же результату, особенно относительно университетовъ, будетъ содѣйствовать сліяніе 113 реальныхъ училищъ и шестиклассныхъ прогимназій съ 191 гимназіей (въ реальныхъ училищахъ нынѣ оканчиваютъ курсъ до 1700 чел., да въ гимназіяхъ 4200;

послѣднее число съ закрытіемъ VIII-го класса и съ возведеніемъ прогимназій въ гимназіи по меньшей мѣрѣ возрастетъ до 4700, что̀ дастъ вмѣстѣ съ бывшими реалистами ежегодный контингентъ въ 6400 чел. для поступленія въ студенты университетовъ, такъ же, какъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній). Совершенное устраненіе греческаго языка и переносъ латинскаго языка въ IV-й классъ съ возможностью вовсе ему не обучаться значительно также усилятъ притокъ въ среднюю школу изъ низшихъ общественныхъ слоевъ населенія. Латинскій языкъ съ I-го класса и греческій съ III-го были въ этомъ отношеніи какъ бы сторожевыми башнями для гимназій, препятствуя наплыву въ нихъ слишкомъ низменныхъ элементовъ,—одна изъ причинъ непріязни къ нимъ извѣстной части нашей печати. Въ гимназіяхъ все-таки сохранялось нѣкоторое преобладаніе за дѣтьми дворянъ, чиновниковъ и лицъ духовнаго званія. Такъ, въ 1898 г. ихъ было 54,4% общаго числа учащихся, тогда какъ въ реальныхъ училищахъ только 44,1%, на 10% меньше. Очевидно, что въ новыхъ среднихъ школахъ значительно увеличится число учащихся, и именно изъ низшихъ общественныхъ классовъ.

VII. Вредныя послѣдствія демократизаціи и переполненія средней и высшей школы.

Въ какой мѣрѣ нежелательны ни эта дальнѣйшая демократизація нашей средней и высшей школы, ни переполненіе послѣдней плохо подготовленными и не подходящими слушателями, это очевидно само по себѣ.

Если изъ нашихъ нынѣшнихъ гимназій не всѣ выходятъ сильными и крѣпкими духомъ и тѣломъ, жизнерадостными, готовыми жертвовать всѣмъ, и даже жизнью, за вѣру, Царя и отечество, а бываютъ, къ сожалѣнію, между абитуріентами нашихъ гимназій иной разъ и изморыши, мрачно настроенные, безъ особаго религіознаго и патріотическаго воодушевленія, съ большимъ самомнѣніемъ, съ большими притязаніями и даже съ недобрыми чувствами въ отношеніи къ болѣе достаточнымъ своимъ товарищамъ, то нечего и говорить, что древніе языки тутъ ни при чемъ: тѣми же качествами отличаются абитуріенты и реальныхъ училищъ, и сравнительно еще въ большемъ числѣ, и, напротивъ, питомцы, напримѣръ, Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая въ Москвѣ, обучаясь греческому и латинскому языкамъ гораздо больше нашихъ гимназистовъ, тѣмъ не менѣе пользуются самымъ вожделѣннымъ, самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ, большою жизнерадостностью, и отличаются искреннимъ религіознымъ и патріотическимъ настроеніемъ. Все въ этомъ отношеніи зависитъ отъ той домашней обстановки и общественной среды, въ которыхъ растутъ учащіеся. Коль скоро возсоздаваемая нынѣ школа 1852 г. переполнится, какъ можно того опасаться, мѣщанами и прочими лицами изъ низшихъ сословій, никакое законовѣдѣніе, ни отечествовѣдѣніе, ни историческіе разсказы въ низшихъ двухъ классахъ и обширнѣйшій курсъ исторіи въ высшихъ, ни даже новѣйшая русская литература, съ Достоевскимъ и гр. Л. Толстымъ во главѣ,

нисколько тутъ не помогутъ, а скорѣе, напротивъ, только еще болѣе повредятъ. Въ школахъ для приходящихъ дѣти проводятъ по большей мѣрѣ 6 часовъ въ сутки, остальные же 18 часовъ они находятся въ своей семейной средѣ, и если среда эта такова, какою обыкновенно бываетъ наша мѣщанская, и принадлежащимъ къ ней учащимся приходится все время плохо питаться, дышать Богъ знаетъ какимъ воздухомъ, испытывать всякаго рода лишенія и стѣсненія, и видѣть многихъ изъ товарищей нерѣдко въ полномъ довольствѣ, немудрено, что изъ этихъ учащихся выйдутъ изморыши, мрачно настроенные и нерѣдко съ недобрыми чувствами, съ чувствами голоднаго пролетаріата. Было большою ошибкою при изданіи устава гимназій 19-го ноября 1864 г. провозгласить, что „въ гимназіи и прогимназіи обучаются дѣти всѣхъ состояній, безъ различія званія и вѣроисповѣданія". Какъ только это было провозглашено, а университеты попрежнему продолжали надѣлять чинами даже и тѣхъ, кто по происхожденію не имѣлъ права на поступленіе въ гражданскую службу, а кандидатамъ изъ евреевъ сверхъ того предоставили еще право повсемѣстнаго жительства въ Россіи, тотчасъ же гимназіи, а за ними и университеты, начали наполняться лицами изъ низшихъ состояній. Еще въ 1858 г. изъ 5004 студентовъ университетовъ 68% были дѣти дворянъ и чиновниковъ, 9% дѣти лицъ духовнаго званія, и только 7% дѣти купцовъ, 12% мѣщанъ, 0,6% крестьянъ, остальные 3,4%, вѣроятно, приходились на долю сыновей нижнихъ чиновъ, казаковъ и иностранцевъ, а

черезъ 40 лѣтъ (въ 1898 г.) въ числѣ $16^1/_2$ т. студентовъ университетовъ дѣтей дворянъ и чиновниковъ было всего 47,4% (на 21% менѣе противъ 1858 г.), дѣтей духовнаго званія 9,1%, иностранцевъ 14%, а всѣхъ прочихъ сословій 29,2%. Съ осуществленіемъ предположеній коммиссіи 1901 г. сословный составъ учащихся въ среднихъ и высшихъ школахъ несомнѣнно ухудшится, и достигать университетовъ будетъ менѣе отборное во всѣхъ отношеніяхъ юношество чѣмъ нынѣ, но въ значительно большемъ противъ нынѣшняго числѣ.

Переполненію нашихъ университетовъ будутъ содѣйствовать и тѣ условія, которыя предполагается установить для пріема въ нихъ. При разгромѣ Уваровскихъ гимназій 50 лѣтъ тому назадъ и въ этомъ отношеніи дѣйствовали осмотрительнѣе и для поступленія въ университетъ требовалось ученіе латинскому языку въ средней школѣ, а если на историко-филологическій факультетъ, то и греческому. Теперь же не требуютъ ученія ни латинскому, ни греческому языкамъ, а только выдержанія изъ нихъ повѣрочнаго испытанія. Повѣрочнымъ такое испытаніе не можетъ быть, ибо оно будетъ первымъ и послѣднимъ, и этимъ обозначеніемъ, вѣроятно, указывается только то, что испытаніе это будетъ происходить въ университетѣ. Если это такъ, то всѣ эти „повѣрочныя“ испытанія сведутся къ нулю, какъ это дознано продолжительнымъ опытомъ (съ 1835 по 1861 годъ). По университетскому уставу 1835 г., желающіе поступить въ число студентовъ должны были выдержать испытаніе въ самомъ университетѣ; но „эта

система, по словамъ объяснительной записки къ университетскому уставу 1863 г., представляла на дѣлѣ большія неудобства: огромное количество экзаменовавшихся, считавшихся сотнями, сдѣлало невозможнымъ сколько-нибудь серіозный вступительный экзаменъ въ университетѣ, а потому въ студенты безъ труда стали проходить не приготовленные къ слушанію университетскихъ лекцій. Въ 1861 г. постановлено было вовсе прекратить производство пріемныхъ испытаній въ самомъ университетѣ, а принимать въ число студентовъ всѣхъ имѣющихъ одобрительный аттестатъ о знаніи полнаго гимназическаго курса". Нынѣ возвращаться къ порядкамъ, оказавшимся непригодными 40 лѣтъ тому назадъ, едва-ли будетъ полезно, тѣмъ болѣе, что нынѣ на университетскія испытанія явились бы не сотни, а тысячи, ибо не замедлило бы оказаться, что испытаніе это можно выдержать безъ всякихъ познаній, и что слѣдовательно, въ самихъ школахъ нѣтъ надобности учиться не только греческому, но и латинскому языку. Впрочемъ, по первоначальнымъ основнымъ положеніямъ, предложеннымъ на обсужденіе коммиссіи 1901 г., имѣлось въ виду допускать на факультеты восточныхъ языковъ и физико-математическій и вовсе безъ всякой латыни, а повѣрочное испытаніе въ латинскомъ языкѣ требовалось для другихъ факультетовъ, кромѣ историко-филологическаго и богословскаго (въ Юрьевскомъ университетѣ), для которыхъ признавалось нужнымъ требовать и греческій языкъ. Но вышеозначенная коммиссія рѣшила *пріемъ* лицъ, изучавшихъ одинъ латинскій

языкъ, на всѣ факультеты, кромѣ историко-филологическаго и богословскаго, „а также *допущеніе* на всѣ факультеты лицъ, не изучавшихъ вовсе древнихъ языковъ, производить на основаніи правилъ и программъ, которыя имѣютъ быть выработаны соотвѣтствующими факультетами и утверждены Министромъ Народнаго Просвѣщенія“.

На это нельзя не замѣтить, что вопросъ объ условіяхъ допущенія въ университеты и другія высшія учебныя заведенія есть вопросъ такой чрезвычайной важности, что онъ можетъ быть рѣшаемъ только законодательнымъ порядкомъ и не долженъ ставиться въ зависимость отъ произвольнаго и измѣнчиваго усмотрѣнія тѣхъ или другихъ лицъ и коллегій. Собственно говоря, это и есть коренной вопросъ всякой реформы средней школы, несомнѣнно требующій законодательнаго рѣшенія. Коммиссія разсуждала о дополнительныхъ экзаменахъ по древнимъ языкамъ въ самихъ университетахъ и упоминаетъ о программахъ, вѣроятно, этихъ испытаній, въ ст. 9-й своихъ основныхъ положеній, упустивъ изъ виду, что вопросъ о непригодности какихъ бы то ни было пріемныхъ испытаній въ самомъ университетѣ рѣшенъ опытомъ жизни окончательно въ 1861 г., и рѣшеніе это вновь подтверждено университетскими уставами какъ 1863, такъ и 1884 годовъ.

Такъ или иначе, но осуществленіе всѣхъ этихъ предположеній коммиссіи 1901 г. до такой степени переполнило бы всѣ наши университеты, что они попали бы изъ огня въ полымя, изъ нынѣшнихъ безурядицъ

и безпорядковъ прямо въ хаотическое состояніе, несовмѣстное съ правильнымъ воспитаніемъ и обученіемъ молодежи и небезопасное для государственнаго и общественнаго порядка. Прежде чѣмъ облегчать доступъ въ высшія учебныя заведенія и особенно въ университеты, всячески понижая требованія для поступленія въ оные, необходимо вполнѣ упорядочить эти заведенія, а иначе можно надѣлать много бѣдъ. Не упорядочивъ еще и существующихъ высшихъ учебныхъ заведеній, едва-ли было бы благоразумно учреждать новыя, и это тѣмъ болѣе, что если бы на ихъ учрежденіе и содержаніе и нашлось въ государственномъ казначействѣ нѣсколько лишнихъ милліоновъ рублей, то навѣрное не нашлось бы для нихъ дѣйствительно подходящихъ профессоровъ. Для нынѣшняго же числа нашихъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній болѣе чѣмъ достаточно 5,900 молодыхъ людей, ежегодно оканчивающихъ курсъ въ нашихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ: изгонять древніе языки и всячески демократизировать нашу среднюю школу съ цѣлью переполненія нашихъ университетовъ плохо подготовленными къ нимъ слушателями, это значило бы только увѣковѣчить нынѣшнюю безурядицу и крайне усилить питаемые ею студенческіе безпорядки. Къ такимъ ли результатамъ должны быть направлены коренной пересмотръ и исправленіе нашего учебнаго строя и обновленіе русской школы, указанные въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 25 марта 1901 г.? Не слѣдовало ли, наоборотъ, озаботиться, чтобы только отборное во всѣхъ отношеніяхъ

юношество достигало высшихъ учебныхъ заведеній и особенно университетовъ?

VIII. Какою была школа 1852 г.?

Разгромъ Уваровскихъ гиназій 50 лѣтъ тому назадъ завершился учрежденіемъ школы 1852 г.; нынѣ школа эта принята за образецъ при предстоящей учебной реформѣ; поэтому необходимо ближе ознакомиться съ этою школой въ пору полнаго ея развитія съ 1856 по 1864 г. Надо отдать полную справедливость и студентамъ университетовъ, и воспитанникамъ гимназій, что въ пору всеобщаго патріотическаго возбужденія въ Россіи въ 1853—1856 гг., во время Восточной (Крымской) войны. и они, какъ засвидѣтельствовано въ Высочайшемъ повелѣніи отъ 10-го марта 1855 г., обнаружили „общее пламенное стремленіе стать въ ряды защитниковъ отечества,—стремленіе, снискавшее имъ Высочайшее благоволеніе въ Бозѣ почившаго Императора Николая I“, который, впрочемъ, на ходатайство А. С. Норова возстановить, въ виду приближавшейся столѣтней годовщины основанія Московскаго университета, неограниченный пріемъ студентовъ во всѣ университеты, соизволилъ 20-го декабря 1854 г. только на увеличеніе комплекта студентовъ 50-ю въ каждомъ университетѣ, и только 23-го ноября 1855 г., въ царствованіе Царя-Освободителя, послѣдовало Высочайшее повелѣніе принимать во всѣ университеты неограниченное число студентовъ, а 24-го декабря того же года было дозволено

студентамъ-медикамъ переходить на всѣ другіе факультеты „по особо уважительнымъ причинамъ, при удостовѣреніи въ одобрительномъ поведеніи“, съ особаго каждый разъ разрѣшенія Министра Народнаго Просвѣщенія, потомъ (съ 24-го февраля 1859 г.) съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, и наконецъ (съ 20-го января 1862 г.) на основаніи общаго порядка, установленнаго для перехода съ одного факультета на другой.

Тѣмъ не менѣе, однако же, студенты университетовъ, бывшіе питомцы школы 1852 г., не замедлили вступить на путь безпорядковъ, еще не бывалыхъ у насъ до того времени. 17-го декабря 1858 г. въ циркулярномъ предложеніи попечителямъ учебныхъ округовъ Министръ Народнаго Просвѣщенія Е. П. Ковалевскій разъяснялъ, между прочимъ, что „случившіеся въ недавнее время безпорядки въ нѣкоторыхъ университетахъ показываютъ, что студенты находятся въ крайнемъ заблужденіи, полагая, что они имѣютъ право публично изъявлять профессорамъ знаки своего одобренія или порицанія, составлять между собою сборища и дѣлать разнаго рода демонстраціи“. Министръ предписывалъ, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія: 1) внушить студентамъ, что они не имѣютъ законнаго права изъявлять публично своимъ профессорамъ знаки одобренія (посредствомъ рукоплесканій и т. п.) или порицанія (шиканьемъ, свистомъ, выходомъ изъ аудиторій и т. п.); что законы наши строго воспрещаютъ всякаго рода сборища и демонстраціи, а потому, если студенты, не внявъ сему предостереженію, окажутся виновными въ

какомъ-либо изъ означенныхъ проступковъ, то немедленно будутъ исключаемы изъ университета, *какое бы ни было число виновныхъ*. Это распоряженіе должно быть объявлено по всѣмъ факультетамъ и курсамъ,—и 2) подтвердить, чрезъ Совѣтъ университета, деканамъ факультетовъ, чтобы они, по обязанности своей, неослабно наблюдали за лекціями профессоровъ, которымъ въ свою очередь поставить въ обязанность, не увлекаясь суетнымъ исканіемъ популярности между студентами, добросовѣстно исполнять долгъ свой и нравственнымъ вліяніемъ на своихъ слушателей направлять умы ихъ къ истинной цѣли просвѣщенія, въ видахъ общественнаго порядка и подчиненности установленнымъ властямъ. Въ случаѣ замѣченныхъ недостатковъ въ преподаваніи какого-либо предмета, онъ (деканъ) обязанъ доводить о томъ до свѣдѣнія ректора университета, который долженъ немедленно принимать мѣры, на точномъ основаніи 63 ст. устава унив. (т. е., дѣлать выговоры и замѣчанія профессорамъ и зависящимъ отъ него чиновникамъ въ случаѣ замѣченныхъ съ ихъ стороны упущеній и неисправностей), а въ болѣе важныхъ случаяхъ доносить попечителю, для дальнѣйшаго распоряженія.

Студенческія демонстраціи ознаменовались, между прочимъ, тѣмъ, что въ Московскомъ университетѣ проф. *Майковъ, Варнекъ* и *Орнатскій* были вынуждены послѣдовательно покинуть университетъ. Студенты вознамѣрились въ 1862 г. точно также вытѣснить проф. П. М. Леонтьева и Клина, но на этотъ разъ потерпѣли неудачу, и многіе изъ нихъ были исключены изъ уни-

верситета, въ томъ числѣ и *Худяковъ*, бывшій уже студентомъ 3-го курса историко-филологическаго факультета, одинъ изъ самыхъ видныхъ и вліятельныхъ соучастниковъ перваго злодѣя, покусившагося на цареубійство, *Каракозова*.

Не вдаваясь въ дальнѣшія подробности ни о безпрерывныхъ студенческихъ безпорядкахъ, которые производились бывшими питомцами школы 1852 г. (наиболѣе грандіозными были въ 1861 г. въ Москвѣ—штурмъ генералъ-губернаторскаго дома студентами и въ Петербургѣ—процессія студентовъ чрезъ Невскій проспектъ къ попечителю округа Филипсону и закрытіе университета), ни о множествѣ участниковъ во всякаго рода политическихъ преступленіяхъ изъ числа питомцевъ той же школы 1852 г., нельзя не сказать, что школа эта въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ отличалась большою распущенностью во всѣхъ отношеніяхъ. „Учившіеся въ ней, по словамъ К. А. Гилярова („15 лѣтъ крамолы"), припомнятъ, какъ свободно и быстро циркулировали по рукамъ школьниковъ, начиная съ V-го класса, рукописныя, а то и печатныя нецензурныя и прямо возмутительныя статьи и стихотворенія; подъ вліяніемъ такого чтенія шли бесѣды въ свободныя минуты въ классахъ, а по домамъ происходили всякія сборища. И идетъ ученіе само по себѣ, а нигилистическое самовоспитаніе само собою. Прòпасть между учениками и учителями; прòпасть между студентами и профессорами... А между тѣмъ только въ нравственномъ вліяніи учащихъ на учащихся и все лѣкарство для школы,

зараженной дурнымъ преданіемъ". Изгоняя классицизмъ въ 1849—1852 гг., вводя его вновь въ 1864—1871 гг. и нынѣ вновь обрекая его на изгнаніе, думали и думаютъ этими мѣрами исцѣлить нашу среднюю, а за нею и нашу высшую школу, отъ разъѣдающаго ее тлетворнаго, всеотрицающаго, нигилистическаго духа. Глубокое заблужденіе: *не что, а кто, кому и какъ преподаетъ*, вотъ на что въ этомъ отношеніи необходимо прежде всего обратить вниманіе. Классицизмъ несомнѣнно и въ этомъ отношеніи имѣетъ то огромное преимущество, что онъ: 1) состоитъ въ ближайшемъ сродствѣ съ лучшими, положительными, идеальными сторонами человѣческаго духа и можетъ быть приведенъ въ ближайшую связь, какъ изъяснено ниже, съ религіозно-нравственнымъ, въ духѣ православной Церкви, образованіемъ и воспитаніемъ учащагося юношества, и что 2) изученіе древнихъ языковъ и авторовъ требуетъ, хотя и посильной, но непрерывной, усидчивой и напряженной умственной работы, каковая работа мало оставляетъ времени на пустяки, а съ тѣмъ вмѣстѣ развивая и изощряя умственныя способности, предохраняетъ ихъ до нѣкоторой степени отъ увлеченія вздорными и сумазбродными политическими, соціальными и нигилистическими ученіями. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что благодаря вѣками выработанной и твердо установившейся методѣ преподаванія древнихъ языковъ, они при всѣхъ равныхъ условіяхъ все-таки лучше преподаются чѣмъ другіе предметы, за исключеніемъ развѣ математики (но отнюдь не физики), и преподаваніе ихъ наименѣе зависитъ отъ личныхъ

воззрѣній и произвола преподавателей. Безъ сомнѣнія, въ виду этихъ соображеній Государь Императоръ Александръ II, по обсужденіи всеподданнѣйшихъ докладовъ коммиссіи, Высочайше учрежденной для разсмотрѣнія отчета Министра Народнаго Просвѣщенія за 1859 г. и предположеній его, дѣйств. тайн сов. Ковалевскаго, о мѣрахъ необходимыхъ для надзора за университетскими студентами по случаю безпрерывно повторяющихся безпорядковъ, 31-го мая 1861 г. Высочайше повелѣть соизволилъ: „предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія имѣть въ виду, при разсмотрѣніи проектированнаго уже устава гимназій, предположеніе о возстановленіи классическаго образованія, съ тѣми измѣненіями, кои могутъ быть признаны нужными“.

Въ учебномъ отношеніи школа 1852 г. была признаваема съ начала и до конца не выдерживающею никакой серіозной критики. Прежде всего ей ставили въ вину приспособленіе ея къ спеціальной, практической, утилитарной цѣли приготовленія будущихъ чиновниковъ и офицеровъ, и затѣмъ ея раздвоеніе (бифуркацію), начиная съ IV-го класса, при чемъ за юношей 13—17-лѣтняго возраста, вовсе еще не испробовавшимъ своихъ силъ на настоящей научной работѣ, какова изученіе древнихъ языковъ, признавалась достаточная развитость, чтобы рѣшать, способенъ ли онъ къ высшему научному образованію, или къ военной, или къ гражданской службѣ. Говорятъ, что теперь, при существованіи гимназій и реальныхъ училищъ, это приходится рѣшать уже съ I-го класса, съ 10—12-лѣтняго возраста;

но рѣшеніе это принимается внѣ школы, свободною волею родителей, въ зависимости отъ средствъ ихъ для жизни и воспитанія дѣтей, въ зависимости отъ семейныхъ преданій, отъ намѣреній и плановъ родителей насчетъ будущности ихъ дѣтей, внѣ всякаго давленія со стороны самихъ дѣтей и ихъ школьныхъ товарищей, наставниковъ и начальниковъ. Родители болѣе достаточные, имѣющіе способы содержать и обучать своихъ дѣтей по меньшей мѣрѣ въ продолженіе 12—13 лѣтъ сряду и не имѣющіе предубѣжденій противъ древнихъ классическихъ языковъ, безъ малѣйшаго колебанія избираютъ для своихъ сыновей университетскую карьеру и отдаютъ ихъ въ гимназію, тѣмъ болѣе, что переходъ, въ случаѣ неудачи, изъ гимназіи въ реальное, или коммерческое, или техническое, или сельско-хозяйственное училище, или въ кадетскій корпусъ, какъ нельзя болѣе легокъ (но не наоборотъ); но муки для родителей начинаются не при началѣ учебнаго поприща ихъ дѣтей, а по достиженіи ими того класса средней школы, съ котораго начинается бифуркація, ибо тутъ уже рѣшающею силою являются не только ихъ собственныя соображенія, расчеты, планы, семейныя преданія, но и голосъ ихъ возросшаго и отчасти уже отчудившагося отъ семьи сына, и голосъ школьныхъ его товарищей, наставниковъ и начальниковъ, и всякаго рода случайныя причины (симпатіи или антипатіи къ тѣмъ или другимъ преподавателямъ). Противъ такого приспособленія школы къ утилитарнымъ и практическимъ цѣлямъ и такого преждевременнаго обреченія учащихся на ту

или другую спеціальность, на ту или другую житейскую карьеру, съ особенною силою высказался нашъ знаменитый естествовѣдъ и хирургъ, и въ то же время сознательный поборникъ классицизма, *Н. И. Пироговъ* въ статьѣ: „Вопросы жизни“, появившейся въ 1856 г. въ „Морскомъ Сборникѣ“, — статьѣ, обратившей на себя всеобщее вниманіе и надѣлавшей въ свое время много шума. Въ то же почти время знаменитый московскій профессоръ всеобщей исторіи *Т. Н. Грановскій* представилъ Министру Народнаго Просвѣщенія А. С. Норову свою записку въ пользу классицизма, указывая на высокое его нравственно-образовательное, гуманитарное значеніе, защищая его отъ недостойныхъ на него нападеній и указывая на легковѣсный, многопредметный, но мало развивающій умственныя способности учащихся, учебный курсъ школы 1852 г.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 5-го марта 1856 г. Министръ Народнаго Просвѣщенія А. С. Норовъ изъяснилъ, между прочимъ, нижеслѣдующее:

„Учебные курсы въ нашихъ среднихъ заведеніяхъ, существовавшіе въ видѣ стройной и упроченной системы много лѣтъ, съ 1850 г. подверглись значительнымъ измѣненіямъ. Преподаваніе классическихъ языковъ въ гимназіяхъ, оказавшее уже важныя услуги основательному и твердому образованію, было ослаблено, и взамѣнъ ихъ, съ цѣлью дать воспитанію нашего юношества характеръ *исключительно реальный*, введено было преподаваніе естественныхъ наукъ и законовѣдѣнія. Но какъ предметы эти явились въ гимназіяхъ, такъ ска-

зать, внезапно, безъ предварительнаго тщательно соображеннаго плана, безъ строгаго соглашенія съ другими предметами, то отъ этого гармонія въ системѣ гимназическаго обученія нарушилась, и оно утратило свой опредѣленный правильный характеръ. Приведеніе въ должный порядокъ гимназическаго преподаванія, соотвѣтственный высшимъ нравственнымъ потребностямъ общества, равно и вещественнымъ пользамъ его, съ неуклоннымъ соблюденіемъ священныхъ основаній нашей вѣры и народности, Министерство считаетъ одною изъ главнѣйшихъ своихъ заботъ. Не отвергая важнаго значенія реальныхъ наукъ, оно имѣетъ многія причины, которыя въ свое время и своемъ мѣстѣ будутъ подробно объяснены, считать усиленный перевѣсъ реальныхъ началъ въ воспитаніи вредною крайностью и думаетъ, что, въ видахъ умственнаго развитія и нравственно-эстетическихъ требованій, преподаванію классическихъ языковъ надобно возвратить значительную часть его прежней силы, разумѣется, не исключая изъ круга обученія въ среднихъ заведеніяхъ и наукъ реальныхъ, сколько это нужно для жизни, и не присвоивая учащимся помянутымъ языкамъ прежнихъ преимуществъ".

Еще въ февралѣ 1860 г. былъ выработанъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія проектъ устава состоявшихъ въ этомъ вѣдомствѣ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, и при этомъ учебный планъ 1852 г. былъ признанъ слишкомъ сложнымъ и невыполнимымъ въ назначенное время, распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ неправильнымъ,

объемъ преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ нецѣлесообразно обширнымъ, а по всѣмъ симъ причинамъ гимназическое ученіе стало тяжкимъ бременемъ для большинства учащихся и не было вполнѣ благотворно для развитія умственныхъ способностей юношества.

Въ представленіи отъ 27-го февраля 1864 г. въ Государственный Совѣтъ съ новымъ проектомъ устава гимназій Министръ Народнаго Просвѣщенія *статсъ-секретарь А. В. Головнинъ* изъяснялъ, между прочимъ, что вслѣдствіе распоряженій 1849—1852 гг. наши гимназіи „утратили свой первоначальный классическій характеръ и пришли, въ отношеніи учебнаго курса, къ тому неудовлетворительному состоянію, въ которомъ онѣ теперь находятся. На дѣлѣ законовѣдѣніе, подъ именемъ котораго предлагается ученикамъ простое заучиванье въ сокращеніи разныхъ статей изъ Свода Законовъ, оказывается рѣшительно безплоднымъ; преподаваніе естественной исторіи, при недостаткѣ хорошихъ руководствъ, скудости учебныхъ пособій и рѣдкости способныхъ учителей, далеко не принесло той пользы, которой отъ него ожидали. Новые языки, по относительной своей легкости и недостаточному образованію большей части учителей, хотя и были усилены, но не могли замѣнить собою устраненные изъ курса древніе языки, требующіе продолжительныхъ и усидчивыхъ занятій“.

Близко знавшій эту школу 1852 г. и по ея организаціи, и по ходу въ ней учебно-воспитательнаго дѣла, и по ея результатамъ, М. Н. Катковъ говоритъ о ней:

„Наши гимназіи, именно въ томъ видѣ, къ какому привелъ ихъ разгромъ 1849—1852 гг., были школой антипедагогическою. Онѣ не только не воспитывали, но портили юные умы, не только не усиливали ихъ, но разслабляли, не только не приводили ихъ въ зрѣлость, но препятствовали даже тому естественному созрѣванію, которое совершается независимо отъ школы простою практикой жизни и наглядкой. Дѣйствіе этой школы было именно тѣмъ губительнѣе, что она обманывалась въ своемъ назначеніи и тѣмъ же обманомъ заражала своихъ воспитанниковъ. Она выдавала себя за гимназію и бралась готовить своихъ воспитанниковъ къ высшему образованію. Если бы, при своемъ учебномъ планѣ, она служила только средствомъ для того непритязательнаго и поверхностнаго образованія, какое даютъ подобныя, но лучше устроенныя учебныя заведенія въ другихъ странахъ Европы будущимъ ремесленникамъ, то она не сопровождалась бы тѣми дурными послѣдствіями, какія были неизбѣжны въ силу фальшиво даннаго ей назначенія. Это фальшивое назначеніе, испортивъ школу, не могло не отпечатлѣться какъ въ учащихъ, такъ и въ учащихся. Разслабивъ и сдѣлавъ негодными своихъ воспитанниковъ для высшей науки, она приводила ихъ въ соприкосновеніе съ высшими задачами разумѣнія и знанія. Массы этихъ жертвъ фальшивой школы выходили впередъ какъ представители высшаго образованія своей страны, какъ цвѣтъ своего народа. Всякій понимающій дѣло человѣкъ, при одномъ взглядѣ на учебный планъ нашихъ бывшихъ гимназій, могъ бы безошибочно пред-

сказать послѣдствія этой плачевной ошибки, но теперь, когда послѣдствія раскрылись, чтобы видѣть ихъ нужно только не закрывать глазъ.

„До 1849 г. наши гимназіи были слабою и недостаточною школой; послѣ, онѣ стали превратною школой. Онѣ стали выпускать на свѣтъ не только малосильныхъ, но болѣзненно разслабленныхъ людей. Уничтожилась и та малая доля воспитательной силы, которая еще была въ нашихъ гимназіяхъ; изъ ихъ учебнаго плана выброшенъ самый элементъ воспитательной концентраціи. Въ ихъ учебномъ планѣ, какъ бы на смѣхъ, оставленъ латинскій языкъ для четырехъ высшихъ классовъ по 4 часа въ недѣлю, что̀ въ сложности составляетъ 16 часовъ! Цифра эта не есть выраженіе какой-либо степени учебной концентраціи, хотя бы ничтожной. Удержаніе латинскаго языка, въ этой силѣ и въ этомъ видѣ, вело только къ вящшему извращенію воспитательнаго назначенія школы. Латинскій языкъ, такимъ образомъ поставленный въ учебномъ планѣ гимназій, дѣлался элементомъ вредной многопредметности и только усиливалъ разслабляющее дѣйствіе школы.

„Недостатки нашей учебной системы, которыми объясняются малосиліе и скудость нашей науки, получили быстрое и энергическое развитіе послѣ этихъ своего рода реформъ, которымъ подвергались наши гимназіи въ упомянутые годы. Доступъ къ высшей наукѣ сталъ дѣломъ самымъ легкимъ. Ее выбросили на улицу; ее затоптали въ грязь. Это было поруганіемъ одного изъ самыхъ дорогихъ интересовъ человѣчества. Приготовле-

ніе къ высшимъ сферамъ человѣческой мысли стало дѣломъ менѣе серіознымъ, чѣмъ приготовленіе къ сапожному или столярному мастерству, которое требуетъ цѣлаго ряда постоянной и своего рода систематической работы. Для поступленія въ университетъ оказалось достаточнымъ нѣсколько мѣсяцевъ механической подготовки,—и вотъ университетскія аудиторіи наполнились массами полудикихъ, полуграмотныхъ мальчишекъ, неспособныхъ ни къ чему отнестись осмотрительно и критически, неспособныхъ продержать двѣ минуты одну и ту же мысль въ своей головѣ или провести въ ней безъ перерыва коротенькій рядъ самыхъ элементарныхъ представленій. Можно вообразить, какой чертополохъ долженъ разрастаться на дикой почвѣ этихъ головъ при слушаніи университетскихъ лекцій! И хорошо бы еще, еслибъ это была только невоздѣланная и нетронутая почва; нѣтъ, къ наукѣ подводились головы порченыя, фальшиво возбужденныя, болѣзненно надменныя мнимымъ образованіемъ“ (Изъ передовой статьи отъ 18-го іюня 1871 г.).

Вотъ какова была школа 1852 г., которая нынѣ избрана за образецъ, при указанномъ коренномъ пересмотрѣ и исправленіи всего нашего учебнаго строя и обновленіи русской школы. Вмѣсто всякаго обновленія не будутъ ли вновь повторены всѣ прежніе промахи, погрѣшности и недостатки, которые въ такомъ обиліи были указаны въ школѣ 1852 года Пироговымъ, Грановскимъ, Норовымъ, Ковалевскимъ, Катковымъ и статсъ-секретаремъ Головнинымъ? Не являются ли и теперь вновь

всѣ эти предметы реальнаго образованія, какъ естествовѣдѣніе, отечествовѣдѣніе и законовѣдѣніе, „такъ-сказать, внезапно, говоря словами А. С. Норова, безъ предварительнаго тщательно соображеннаго плана, безъ строгаго соглашенія съ другими предметами“, и не нарушится ли отъ этого вновь гармонія въ системѣ гимназическаго обученія, и не утратитъ ли оно вновь свой опредѣленный правильный характеръ? Имѣются ли нынѣ по всѣмъ этимъ предметамъ хорошія руководства, учебныя пособія и способные учителя, а учителя новыхъ иностранныхъ языковъ не страдаютъ ли еще въ бо̀льшей мѣрѣ нынѣ, чѣмъ въ 1852—1864 гг., недостаточностью своего общаго, спеціально-научнаго и педагогическаго образованія? *Что̀ мы дѣлаемъ и куда мы идемъ?*

IX. Ближайшія послѣдствія задуманнаго возстановленія школы 1852 г.

Съ осуществленіемъ предположеній коммиссіи 1901 г. не замедлитъ обнаружиться глубокій упадокъ всего научнаго образованія страны, ибо, имѣя мало развитыхъ и мало подготовленныхъ слушателей, университетскіе и другіе профессора вынуждены будутъ сильно понизить уровень своего преподаванія или же будутъ плохо и превратно понимаемы своими слушателями, что̀ еще болѣе пагубно. Упадокъ всего образованія страны будетъ тѣмъ болѣе глубокій, что отъ преподавательской дѣятельности въ гимназіяхъ будутъ устранены лучшіе ихъ преподаватели, къ каковымъ вмѣстѣ съ учителями ма-

тематики несомнѣнно принадлежатъ преподаватели древнихъ языковъ, и все руководство умственнымъ образованіемъ возрастающихъ поколѣній будетъ ввѣрено, кромѣ законоучителей и учителей математики, весьма плохимъ учителямъ новыхъ иностранныхъ языковъ и весьма сомнительнымъ учителямъ русскаго языка и словесности, исторіи и географіи, а каковы будутъ учителя естествовѣдѣнія, отечествовѣдѣнія и законовѣдѣнія, — это еще неизвѣстно, ибо ихъ нѣтъ налицо. Сомнительно, чтобъ они оказались хорошими, ибо методика всѣхъ этихъ предметовъ. не исключая и естествовѣдѣнія, далеко еще не выработана, а отечествовѣдѣніе и законовѣдѣніе (при 4-хъ урокахъ въ недѣлю) являются совершенно новыми предметами въ средней школѣ.

Особенно убійственными окажутся означенныя мѣры для всѣхъ наукъ міра внутренняго, духовнаго. Попрежнему опустѣютъ въ нашихъ университетахъ каѳедры римскаго права, которыя съ такимъ трудомъ удалось замѣстить съ помощью особаго временного курса для нашихъ кандидатовъ при Берлинскомъ университетѣ; запустѣютъ и всѣ каѳедры историко-филологическихъ факультетовъ и историко-филологическаго отдѣленія Академіи Наукъ, и Россія снова утратитъ свою духовную и научную самобытность, которую она только-что начала было пріобрѣтать, и снова вступитъ въ ученическія отношенія къ Западной Европѣ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ изгнаніемъ греческаго языка изъ нашей средней школы будетъ нанесенъ тяжкій ударъ національному ея направленію, а между тѣмъ усилить

и возвысить это направленіе было бы желательно и возможно, — возможно именно съ помощью греческаго языка. Основы всего нашего національнаго существованія, всей нашей государственности, это — православіе, самодержавіе и русская народность, выразившаяся прежде всего въ русскомъ языкѣ, и въ ближайшемъ сродствѣ со всѣми этими основами состоитъ греческій языкъ. Литературный русскій языкъ, которымъ по всей справедливости можетъ гордиться русскій народъ, не только состоитъ въ сродствѣ съ греческимъ языкомъ, принадлежа къ одной съ нимъ индо-европейской отрасли языковъ, но, при посредствѣ церковно-славянскаго языка, развивался и продолжаетъ и нынѣ еще развиваться подъ ближайшимъ вліяніемъ языка греческаго. Вліяніе это простирается столько же на этимологическій составъ, сколько и на синтактическій строй русской рѣчи. Никакое научное изслѣдованіе русскаго языка не возможно безъ основательнаго знанія языка греческаго, а въ такихъ научныхъ изслѣдованіяхъ настоитъ неотложная необходимость, ибо нѣтъ въ мірѣ другого великаго народа, языкъ котораго былъ бы такъ мало разработанъ и изслѣдованъ научно, какъ языкъ русскій, и вотъ этой-то едва начавшейся работѣ полагается безвременный конецъ изгнаніемъ греческаго языка изъ нашей ученой школы.

Полагается конецъ и только-что начавшейся самостоятельной русской разработкѣ Византійской исторіи, такъ много и долго искажавшейся инославными учеными. Между тѣмъ Византійская исторія намъ вдвойнѣ

дорога: изъ Византіи возсіялъ намъ свѣтъ православія. и въ ней же глубоко лежатъ всѣ корни нашего самодержавія; но изученіе ея возможно только при основательномъ знаніи греческаго языка.

Но наибольшее значеніе для всего православнаго міра и особенно для первенствующаго нынѣ въ этомъ мірѣ народа русскаго имѣетъ греческій языкъ, какъ исконный священнѣйшій языкъ всей христіанской Церкви, въ особенности же Церкви православной.

Нельзя скрывать отъ себя, что наше образованное общество, наша такъ-называемая интеллигенція болѣе или менѣе заражена религіознымъ индиферентизмомъ, нерѣдко и отрицательнымъ отношеніемъ къ религіознымъ вѣрованіямъ, постановленіямъ, обрядамъ и богослуженію Церкви и даже разными новомодными лжеученіями, отрицающими самую сущность христіанства. Чтобы спасти отъ этого зла наше учащееся юношество, для этого представляется одно лишь средство, а именно: поставить его религіозное образованіе на твердую научную почву, привлечь его къ чтенію Слова Божія въ подлинникѣ, пріохотить къ ясному уразумѣнію церковныхъ молитвъ, пѣснопѣній и вообще богослуженія чрезъ сличеніе церковно-славянскихъ текстовъ съ греческими подлинниками, заохотить также чтеніемъ въ подлинникѣ избранныхъ твореній Св. Отцовъ. При хорошемъ веденіи дѣла надлежаще подготовленными къ тому законоучителями учащіеся пріобрѣли бы и охоту, и навыкъ къ постоянному изученію Слова Божія, и интересъ ко всему, что относится къ православной Церкви, къ ея

ученію, ея богослуженію и ея обрядамъ, къ ея великимъ дѣятелямъ и подвижникамъ, ко всему ея прошедшему и настоящему, а вмѣстѣ съ тѣмъ была бы пріобрѣтена и способность къ болѣе глубокому ея изученію во всѣхъ отношеніяхъ и къ полнѣйшему усвоенію духа православной Церкви. Побороть духъ невѣрія, отличающій наше время, невозможно иначе, какъ поставивъ съ самаго начала все религіозное образованіе нашего учащагося юношества на твердую научную почву; единственнымъ же къ тому орудіемъ представляется греческій языкъ.

Великая держава, какъ Россія, не можетъ остаться безъ первоначальной ученой школы, которая надлежащимъ образомъ подготовляла бы юношество къ университетамъ и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Въ русской ученой школѣ грѣшно и ни съ чѣмъ несообразно ставить греческій языкъ такъ, какъ предполагаетъ коммиссія 1901 г., а именно, допуская особое его преподаваніе (по 20-ти часовъ въ недѣлю) только въ 5-ти гимназіяхъ, а во всѣхъ остальныхъ (186-ти гимназіяхъ и 45-ти прогимназіяхъ) ставя его преподаваніе въ зависимость отъ экономическихъ средствъ, отъ числа свободныхъ классныхъ помѣщеній, отъ числа желающихъ учиться ему, не пріурочивая его ни къ какимъ классамъ и не назначая на него никакого опредѣленнаго числа уроковъ. Нигдѣ и никогда греческій языкъ не былъ еще поставляемъ въ такое унизительное положеніе!

А между тѣмъ греческій языкъ въ русской начальной ученой школѣ долженъ бы быть краеугольнымъ

камнемъ всего гимназическаго языкоученія, и съ него въ первомъ же классѣ должно бы начинаться все это языкоученіе, начало же латинскаго языка при этомъ слѣдовало бы отнести уже къ III-му классу. Преимущества такого порядка очевидны. Начинаясь съ I-го класса, изученіе греческаго языка какъ нельзя болѣе пригодилось бы при прохожденіи Закона Божія въ продолженіе всего гимназическаго курса. Такъ, во II-мъ классѣ многія мѣста изъ Евангелій могли бы быть прочитываемы, а нѣкоторыя и заучиваемы по-гречески. Въ III-мъ классѣ, при ученіи о богослуженіи, греческій языкъ какъ нельзя болѣе пригодился бы для болѣе правильнаго и точнаго уразумѣнія церковныхъ молитвъ и пѣснопѣній; въ IV и V классахъ, а также въ VII и VIII, при прохожденіи православнаго катихизиса съ дополненіями изъ догматическаго и нравственнаго богословія, греческимъ языкомъ точно также можно было бы воспользоваться для лучшаго разъясненія основныхъ библейскихъ текстовъ; въ VI же классѣ, при прохожденіи исторіи Церкви, ученики могли бы быть ознакомлены въ подлинникѣ съ нѣкоторыми изъ великихъ твореній отцовъ Церкви, по крайней мѣрѣ въ извлеченіяхъ, и съ нѣкоторыми изъ наиболѣе характеризующихъ ихъ назидательныхъ изреченій.

Какъ ни ясно представляется польза отъ такой перестановки языковъ латинскаго и греческаго въ нашихъ гимназіяхъ, вполнѣ соотвѣтствующей предпочтительному для насъ значенію языка греческаго, тѣмъ не менѣе школа по самой природѣ своей настолько не терпитъ

никакихъ внезапныхъ и насильственныхъ нововведеній, что и эта реформа должна быть постепенно подготовлена. Сначала слѣдовало бы преобразовать въ означенномъ направленіи только по одной гимназіи въ округѣ, подготовивъ предварительно учителей и законоучителей къ надлежащему веденію дѣла и заготовивъ необходимые для этого учебники. Затѣмъ, если бы опытъ оказался удачнымъ, дальнѣйшее преобразованіе могло бы быть поведено въ зависимости отъ числа законоучителей, достаточно свѣдущихъ въ греческомъ языкѣ. Изгнаніе греческаго языка изъ нашей средней ученой школы можетъ клониться только къ ущербу для основныхъ началъ нашей государственности и въ подрывъ національному характеру нашей школы.

X. Окончательный результатъ задуманнаго крушенія классицизма—полное педагогическое банкротство страны.

Школа 1852 г. заключала въ самой себѣ сѣмена разрушенія: она неминуемо должна была привести все наше учебно-воспитательное дѣло къ несостоятельности, къ банкротству. Изъ такой плохой школы могли выходить только плохо подготовленные студенты, а изъ такихъ студентовъ ни университеты, ни существовавшій еще тогда Главный Педагогическій Институтъ, не могли приготовить сколько-нибудь удовлетворительныхъ учителей. Директоръ Главнаго Педагогическаго Института т. сов. *Давыдовъ*, знаменитый въ свое время профессоръ Московскаго университета и знаменитый педагогъ, бывшій

инспекторъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, доказывалъ, какъ значится въ „Журналѣ Главнаго Правленія Училищъ“, удостоившемся Высочайшаго утвержденія 15 ноября 1858 г., „что главное затрудненіе въ ученомъ образованіи будущихъ наставниковъ юношества встрѣчаетъ институтъ въ недостаточномъ приготовленіи для этой цѣли поступающихъ питомцевъ семинарій и гимназій, со времени уничтоженія въ послѣднихъ преподаванія греческаго языка“; онъ утверждалъ, „что для ученаго образованія необходимо изученіе древнихъ языковъ и новыхъ иностранныхъ вмѣстѣ съ словесностью и исторіей, или всего круга знаній, называемыхъ studia humaniora“. Главный Педагогическій Институтъ состоялъ тогда изъ двухъ отдѣленій: историко-филологическаго и физико-математическаго, и дабы сколько-нибудь восполнить недостатки того образованія, которое давала школа 1852 г., т. сов. Давыдовъ считалъ необходимымъ установить, вмѣсто четырехлѣтняго курса института, шестилѣтній, прибавивъ предварительный двухгодичный курсъ, общій для студентовъ того и другого отдѣленія.

Но особенно пагубна была школа 1852 г. относительно приготовленія учителей предметовъ группы историко-словесной, то-есть, учителей не только древнихъ и новыхъ иностранныхъ языковъ, но также и русскаго языка съ церковно-славянскимъ и словесностью, логики и исторіи всеобщей и русской, равно какъ и географіи, которая тогда преподавалась (да и нынѣ преподается) болѣе какъ наука историческая. Всѣ эти учителя должны

пройти курсъ историко-филологическаго факультета для того, чтобы получить надлежащее по своему предмету научное образованіе. Между тѣмъ школа 1852 г. менѣе всего готовила своихъ питомцевъ къ историко-филологическому факультету: пройдя ея курсъ, нельзя было получить ни охоты, ни познаній, необходимыхъ для успѣшнаго прохожденія курса означеннаго факультета. При томъ же для поступленія на этотъ только факультетъ предъявлялось особое, дополнительное, требованіе выдержать экзаменъ изъ греческаго языка. Гдѣ ему было выучиться, когда онъ преподавался лишь въ 13-ти гимназіяхъ? Кому была охота брать на себя лишній трудъ, когда онъ давалъ право на поступленіе лишь на историко-филологическій факультетъ, открывавшій доступъ только къ тяжкой и во всѣхъ отношеніяхъ незавидной службѣ учительской и лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ — къ службѣ профессорской въ томъ же факультетѣ? Дабы окончившіе курсъ средней школы правильно, то-есть, согласно съ внутреннимъ своимъ призваніемъ, потребностями и способностями, распредѣлялись между различными университетскими факультетами, необходимо, чтобы для поступленія на всѣ эти факультеты были установлены закономъ одни и тѣ же условія, одни и тѣ же требованія. Облегченіе доступа на какой-либо изъ факультетовъ (безъ греческаго ли только языка или и безъ латинскаго) тотчасъ же склонитъ вѣсы въ пользу этого факультета, и у насъ въ Россіи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, ибо каждый факультетъ даетъ право на чинъ XII, X, а медицинскій факуль-

тетъ—и IX-го класса, а съ чиномъ можно всюду поступить на такъ-называемыя обще-административныя должности: чинъ у насъ, это — своего рода passe-partout. Такимъ образомъ вновь предполагаемыя нынѣ коммиссіей 1901 г. неодинаковыя условія для поступленія на различные университетскіе факультеты представляются большимъ зломъ во всѣхъ отношеніяхъ; они могутъ легко повлечь за собою: 1) переполненіе факультетовъ физико-математическаго и восточныхъ языковъ безъ всякой соразмѣрности съ потребностями страны въ спеціалистахъ этого рода, а затѣмъ переполненіе юридическаго и медицинскаго и, напротивъ, оскудѣніе факультетовъ и институтовъ историко-филологическихъ, какъ то и было въ пору господства школы 1852 г., и 2) могутъ легко повлечь за собою распредѣленіе молодыхъ людей по факультетамъ не по внутреннему влеченію къ тѣмъ или другимъ наукамъ и соотвѣтствующимъ обыкновенно этому влеченію способностямъ, а по большей легкости поступленія въ тотъ или другой факультетъ, чрезъ что̀ могутъ даромъ пропасть для страны многія выдающіяся умственныя силы, отклоненныя отъ естественнаго и нормальнаго пути своего развитія искусственною приманкою къ факультету болѣе доступному по установленнымъ пріемнымъ требованіямъ.

Наиболѣе потерпитъ отъ всего, что̀ нынѣ задумано, историко-филологическій факультетъ, столько же въ количественномъ, сколько и въ качественномъ отношеніи. Не будетъ охотниковъ итти на этотъ факультетъ, какъ не было ихъ при господствѣ школы 1852 г. Искусствен-

ные способы привлеченія къ гимназіямъ съ двумя древними языками и затѣмъ къ историко-филологическимъ факультетамъ и институтамъ съ помощью денежныхъ стипендій или полнаго содержанія на казенный счетъ должны быть отвергнуты принципіально, ибо этими способами можно привлечь къ учительскому поприщу не лучшихъ и не способнѣйшихъ, а бѣднѣйшихъ и наиболѣе нуждающихся, а это далеко не всегда бываетъ одно и то же, и это тѣмъ болѣе, что ни о какомъ конкурсѣ для пріема въ I-й классъ гимназій не могло бы быть и рѣчи, и закабалять въ учителя пришлось бы 10-лѣтнихъ мальчиковъ, вопреки здравому смыслу и разумнѣйшимъ доводамъ педагогики.

Изъ школъ безъ греческаго и съ 16-ю уроками латинскаго молодые люди, конечно, не могли бы поступать на историко-филологическій факультетъ съ какою-либо надеждою на успѣшное прохожденіе его курса и на то, чтобъ они могли усвоить себѣ научное образованіе, необходимое для будущаго учителя. Это достаточно удостовѣрено еще въ 1858 г. собственными наблюденіями опытнѣйшаго педагога, какимъ былъ т. сов. И. И. Давыдовъ. Проектъ его объ установленіи двухлѣтняго предварительнаго общаго курса въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ для восполненія пробѣловъ и недостатковъ образованія, которое давала школа 1852 года, не былъ принятъ; но можно почти навѣрное сказать, что если бы этотъ проектъ былъ осуществленъ, то онъ потерпѣлъ бы полнѣйшую неудачу: учительское поприще не такъ у насъ привлекательно, чтобы сколько-

нибудь способные молодые люди рѣшились готовиться къ нему двумя годами дольше, чѣмъ требуется для всякаго другого поприща.

Въ нашей печати можно встрѣтиться и съ такимъ мнѣніемъ, что для поступленія на историко-филологическій факультетъ нѣтъ надобности въ предварительномъ знаніи греческаго и латинскаго языковъ, а имъ можно научиться въ бытность уже студентомъ, какъ научаются восточнымъ языкамъ студенты факультета восточныхъ языковъ. Какъ будто бы съ древними классическими языками можно сравнивать какой бы то ни было изъ восточныхъ языковъ по ихъ богатству лексическому, грамматическому, литературному, по ихъ развитію и обработанности. Какъ будто бы при изученіи большей части восточныхъ языковъ (кромѣ санскрита и группы сиро-халдейско-еврейской) не преобладаютъ интересы практическіе, а не научные, и какъ будто бы на историко-филологическомъ факультетѣ возможна такая же спеціализація, какъ на факультетѣ восточныхъ языковъ, тогда какъ древніе языки и ихъ литература уже сами по себѣ представляютъ цѣлый міръ классической древности, основу всей европейской цивилизаціи. Допустить пріемъ молодыхъ людей на историко-филологическій факультетъ безъ знанія древнихъ классическихъ языковъ значило бы обратить этотъ факультетъ въ краткосрочную гимназію и въ конецъ сгубить всѣ историко-филологическія науки и всѣ среднія учебныя заведенія, а слѣдовательно, и все научное образованіе страны.

Итакъ, историко-филологическіе факультеты и ин-

ституты снова оскудѣютъ, какъ было въ періодъ школы 1852 г., а между тѣмъ эти факультеты и институты даютъ каждой изъ нынѣшнихъ гимназій 9 изъ 12 ея преподавателей (со включеніемъ и законоучителя) и 6 (со включеніемъ учителя географіи съ отечествовѣдѣніемъ) изъ 11 преподавателей для предположенной средней школы типа 1852 г.

Послѣдствія разгрома гимназій въ 1849—1852 гг. не замедлили сказаться. Въ офиціальныхъ документахъ послѣдовавшаго затѣмъ времени то и дѣло говорится объ ощущаемомъ недостаткѣ въ учителяхъ и о необходимости принять особыя мѣры для ихъ приготовленія. До нѣкоторой степени еще спасало въ то время среднія школы отъ окончательнаго банкротства въ этомъ отношеніи то, что разгромъ 50-хъ годовъ не коснулся, какъ мы видѣли, гимназій Дерптскаго (нынѣ Рижскаго) учебнаго округа, и то, что духовныя семинаріи давали въ то время довольно значительное число студентовъ историко-филологическимъ факультетамъ и Главному Педагогическому Институту. Разсчитывать въ настоящее время на ту и другую помощь едва-ли возможно. Разгромъ нынѣ разразится, повидимому, и надъ Рижскимъ учебнымъ округомъ такъ же, какъ и надъ Варшавскимъ, не взирая на всѣ ихъ мольбы. Да и дѣйствительно, сохранить только въ этихъ инородческихъ и инославныхъ учебныхъ округахъ настоящія гимназіи, отнявъ ихъ у всей остальной Россіи, значило бы поставить ихъ въ исключительное, привилегированное положеніе, и наполнять наши среднія школы учителями изъ этихъ

окраинъ едва-ли можетъ быть желательно. Что же касается до духовныхъ семинарій, то Министерство Народнаго Просвѣщенія, конечно, будетъ готово настежъ открыть предъ ихъ питомцами двери своихъ историко-филологическихъ факультетовъ и институтовъ (идетъ же рѣчь въ газетахъ, поддерживающихъ планы коммиссіи 1901 г., даже объ открытіи доступа на эти факультеты дѣвицамъ, окончившимъ курсъ женскихъ гимназій и институтовъ!); но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы Св. Синодъ на это соизволилъ, такъ какъ избытка кандидатовъ для замѣщенія священнослужительскихъ вакансій, повидимому, нѣтъ, и нынѣ, слава Богу, число православныхъ церковныхъ приходовъ не сокращается, а скорѣе увеличивается.

Притомъ же нынѣ, у насъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія не 74 мужскія среднія школы, какъ было 50 лѣтъ тому назадъ, а 349, да 188 женскихъ гимназій, 3 высшія женскія училища и 164 женскія прогимназіи, 10 учительскихъ институтовъ и 52 учительскія семинаріи, каковыхъ учебныхъ заведеній вовсе не было 50 лѣтъ тому назадъ, всего 766 среднихъ школъ; если же не принимать во вниманіе женскихъ прогимназій, такъ какъ въ нихъ учителей съ историко-филологическимъ образованіемъ можно замѣнить по нуждѣ учительницами, то 602 среднія школы, слишкомъ въ 8 разъ болѣе противъ того, что̀ было 50 лѣтъ тому назадъ. Такимъ образомъ въ настоящее время потребность въ учителяхъ съ историко-филологическимъ образованіемъ окажется въ 8 разъ большею противъ тогдаш-

няго, и слѣдовательно, несравненно сильнѣе и скорѣе обнаружится полная несостоятельность Министерства Народнаго Просвѣщенія къ замѣщенію открывающихся ежегодно учительскихъ вакансій по предметамъ историко-словесной группы, не говоря уже о невозможности, за неимѣніемъ учителей, открывать новые параллельные классы и новыя училища, что̀ однако же совершенно необходимо въ виду уже нынѣшней переполненности многихъ классовъ и многихъ учебныхъ заведеній и ожидаемаго еще бо̀льшаго, съ осуществленіемъ предположеній коммиссіи 1901 г., наплыва въ нихъ учащихся. Сколькимъ сотнямъ и тысячамъ дѣтей придется ежегодно отказывать въ пріемѣ въ среднія школы и какое распространится общее неудовольствіе противъ правительства во всей странѣ! Опытъ времени господства школы 1852 года представляется въ этомъ отношеніи достаточно поучительнымъ. Недостатокъ въ учителяхъ по группѣ историко-словесной все болѣе усиливался и дошелъ до того, что учебныя начальства вынуждены были опредѣлять учителями не только древнихъ и новыхъ иностранныхъ языковъ, но и русскаго языка и словесности, исторіи и географіи, лицъ, которыя не имѣли надлежащаго для того образовательнаго ценза и вовсе къ тому не готовились, не только кандидатовъ и магистровъ духовныхъ академій, но и дѣйствительныхъ студентовъ духовныхъ семинарій и даже абитуріентовъ Уваровскихъ гимназій, и это даже въ столицахъ и университетскихъ городахъ. Для древнихъ языковъ министръ народнаго просвѣщенія ст. секретарь А. В. Го-

ловнинъ (съ 26-го декабря 1861 года по 14 апрѣля 1866 года) первый началъ вызывать молодыхъ людей изъ западныхъ славянъ, окончившихъ у себя на родинѣ университетскій курсъ по историко-филологическому факультету, что̀ графъ Д. А. Толстой развилъ въ правильно-организованный Институтъ Славянскихъ Стипендіатовъ, а когда и русскія гимназіи начали уже давать достаточно подготовленныхъ по древнимъ языкамъ молодыхъ людей, для способнѣйшихъ изъ нихъ былъ созданъ имъ въ 1873 г. Русскій Филологическій Институтъ при Лейпцигскомъ университетѣ и, сверхъ того, имъ же были устроены въ 1867 году Императорскій С.-Петербургскій Историко-филологическій институтъ, а въ 1875 году таковой же институтъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ для приготовленія учителей столько же по древнимъ языкамъ, сколько и по русскому языку со словесностью и исторіи и географіи. Въ ожиданіи плодовъ отъ этихъ четырехъ институтовъ, все еще нельзя было обойтись безъ содѣйствія духовно-учебнаго вѣдомства; но графъ Д. А. Толстой счелъ необходимымъ озаботиться тѣмъ, чтобы впредь были опредѣляемы въ учительскія должности не дѣйствительные студенты духовныхъ семинарій, а по крайней мѣрѣ кандидаты и магистры духовныхъ академій и притомъ по выдержаніи ими въ историко-филологическихъ факультетахъ особаго учительскаго экзамена: или по древнимъ языкамъ, или по русскому языку и словесности, или же по исторіи, на что̀ было испрошено 26 марта 1867 года Высочайшее разрѣшеніе, а въ апрѣлѣ того же года

Ученымъ Комитетомъ были составлены правила таковыхъ испытаній.

Итакъ, вотъ что говоритъ опытъ 50-хъ годовъ: исключеніе греческаго языка изъ учебнаго курса гимназій и низведеніе латинскаго языка до ничтожнѣйшихъ размѣровъ влечетъ за собою прежде всего оскудѣніе студентами историко-филологическихъ факультетовъ, а затѣмъ недостатокъ въ учителяхъ для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, и это не только по древнимъ и новымъ иностраннымъ языкамъ, но также по русскому языку и словесности и по исторіи и географіи, въ дальнѣйшихъ же стадіяхъ оказывается недостатокъ и въ профессорахъ по историко-филологическому факультету (каковой недостатокъ по древнимъ языкамъ у насъ былъ восполненъ главнѣйше питомцами Русскаго Филологическаго Института при Лейпцигскомъ университетѣ), и въ ученыхъ изслѣдователяхъ по всѣмъ предметамъ этого факультета, а также недостатокъ въ профессорахъ по основному предмету юридическаго факультета — римскому праву.

Неужели же послѣ всѣхъ этихъ указаній опыта можно вновь повторять его?

Съ помощью всѣхъ вышеуказанныхъ мѣръ графъ Д. А. Толстой спасъ наше учебно-воспитательное дѣло отъ грозившаго ему полнаго банкротства; но никакъ нельзя сказать, чтобы зло, порожденное несостоятельной школой 1852 г., не отразилось на его учебной реформѣ 1871 года и на введенномъ имъ въ нашихъ гимназіяхъ классицизмѣ.

Прежде всего сколько было затрудненій въ пріисканіи кандидатовъ въ созданные графомъ Толстымъ учительскіе институты вслѣдствіе все той же плохой школы 1852 г.! Институты эти давали бы нашимъ среднимъ школамъ несравненно лучше подготовленныхъ, какъ въ научномъ, такъ и особенно въ педагогическомъ отношеніи, учителей и древнихъ языковъ, и русскаго языка и словесности, и исторіи и географіи, если бы долгое время не приходилось принимать въ нихъ изъ тогдашнихъ гимназій недостаточно подготовленныхъ молодыхъ людей, ибо учебная реформа 1871 года завершилась вполнѣ лишь къ 1880 г., когда графъ Д. А. Толстой пересталъ быть министромъ народнаго просвѣщенія.

Что же касается до славянскихъ стипендіатовъ, то въ огромномъ большинствѣ они оказались вполнѣ достойными трогательныхъ Монаршихъ щедротъ Императора Александра II, который въ видахъ упроченія насажденной имъ въ Россіи классической школы ежегодно жертвовалъ изъ личныхъ своихъ суммъ до 15 тысячъ рублей на ихъ содержаніе; тѣмъ не менѣе было прискорбною необходимостью замѣщать учительскія должности въ нашихъ гимназіяхъ людьми, хотя и близкими къ намъ по происхожденію и глубоко сочувствующими Россіи, но все-таки не русскаго происхожденія и не русскаго воспитанія, вслѣдствіе чего не могли не оказаться и нѣкоторыя неудобства. При всемъ своемъ природномъ добродушіи и мягкости характера, бывшіе славянскіе стипендіаты, какъ питомцы настоящей западно-европейской школы, несравненно болѣе строгой

чѣмъ наша русская, были и сами склонны къ болѣе строгому обращенію съ учениками, чѣмъ то водится въ нашей средней школѣ или водилось въ такой распущенной школѣ, какою была школа 1852 года. Кромѣ того, какъ люди новые, непривычные къ нашимъ порядкамъ, мало знакомые съ нашими законами, нравами, обычаями и воззрѣніями, они естественно были склонны преувеличивать силу и значеніе официальныхъ предписаній, инструкцій, указаній и т. д. и при своей большой добросовѣстности стремились сколь можно точнѣе примѣнять ихъ къ дѣлу, впадая такимъ образомъ иной разъ въ излишній формализмъ. Наконецъ, и это едва ли не важнѣе всего, — зная русскій языкъ вполнѣ достаточно для преподаванія на немъ древнихъ языковъ во всѣхъ классахъ, а древніе языки зная въ большинствѣ случаевъ много лучше чѣмъ природные русскіе учителя, бывшіе славянскіе стипендіаты большею частью были назначаемы преподавателями въ старшіе классы, гдѣ чтеніе древнихъ авторовъ должно рѣшительно преобладать надъ грамматическимъ обученіемъ. Но на первыхъ порахъ и даже довольно долгое время имъ много легче было преподавать грамматику и давать грамматическія объясненія, чѣмъ переводить на русскій языкъ правильно и по возможности изящно древнихъ авторовъ и толковать ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Это обстоятельство незамѣтнымъ образомъ должно было дать перевѣсъ грамматическому направленію, которое отстаивалъ преимущественно Историко-Филологическій Институтъ, въ лицѣ своихъ представителей академика А. К. Наука и

профессора Л. А. Мюллера, передъ болѣе литературнымъ направленіемъ въ преподаваніи древнихъ языковъ, за которое сильно стояли въ Совѣтѣ Министра Народнаго Просвѣщенія заслуженный профессоръ Московскаго университета и одинъ изъ основателей Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая въ Москвѣ *П. М. Леонтьевъ* и авторъ настоящей записки. И этотъ нѣсколько суровый характеръ нашей классической школы, внутренно совершенно чуждый классицизму, и этотъ нерѣдко излишній формализмъ, который ей ставится въ вину и который ничего общаго съ классицизмомъ не имѣетъ, и наконецъ долго длившееся преобладаніе грамматическаго направленія въ преподаваніи древнихъ языковъ надъ болѣе литературнымъ, — все это *косвеннымъ образомъ* были плоды той же школы 1852 г., которая привела насъ къ банкротству въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ. Въ настоящее время бывшіе славянскіе стипендіаты вполнѣ освободились отъ прежнихъ своихъ вышеуказанныхъ недостатковъ, многіе изъ нихъ женились на русскихъ, многіе приняли православіе, и почти всѣ перешли въ русское подданство и вполнѣ освоились съ русскою рѣчью, да и изъ природныхъ русскихъ стало несравненно больше хорошихъ учителей древнихъ языковъ, чѣмъ было прежде; появилось много очень хорошихъ изданій древнихъ греческихъ и римскихъ классиковъ съ комментаріями для русскихъ учениковъ, и литературное направленіе въ преподаваніи древнихъ языковъ все болѣе начинаетъ входить въ силу, чѣмъ неминуемо и въ скоромъ времени было бы до-

стигнуто полное примиреніе нашего общества съ классическою школою, особенно при тѣхъ улучшеніяхъ ея состоянія, о коихъ сейчасъ будетъ сказано. Но вотъ снова грозитъ та же бѣда нашимъ гимназіямъ, какая уже постигла ихъ однажды въ 1849 и 1852 гг.

Можно ли идти впередъ въ дѣлѣ просвѣщенія, когда мы не умѣемъ ни хранить своихъ дорогихъ пріобрѣтеній, ни пользоваться указаніями пережитого тяжкаго опыта (50-хъ годовъ), и готовы безжалостно разрушить все то, что̀ было создано по этой части однимъ изъ славнѣйшихъ, образованнѣйшихъ и любвеобильнѣйшихъ нашихъ Монарховъ. Не слѣдовало ли бы тщательнѣйшимъ образомъ охранять Его твореніе, постоянно его улучшая? Легко разрушить что̀ имѣемъ, но какъ безконечно трудно вновь создать, это отчасти видно изъ пережитого нами и выше очерченнаго опыта. „По свойству человѣческой немощи,—говоритъ знаменитый римскій историкъ Тацитъ, — мѣры врачеванія дѣйствуютъ медленнѣе чѣмъ болѣзни, и какъ тѣло мало-по-малу возрастаетъ, разрушается же быстро, такъ и умы, и науки легче подавить, чѣмъ вновь призвать къ жизни (*Tac. Agr. III*: Natura tamen infirmitatis humanae tardiora sunt remedia quam mala, et ut corpora lente augescunt, cito extinguuntur, sic ingenia studiaque oppresseris facilius quam revocaveris). Нынѣ имѣется въ виду подавить и разрушить то, что̀ несомнѣнно могло бы быть исправлено и приведено въ цвѣтущее положеніе.

XI. Мѣры для коренного исправленія нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній безъ всякой ихъ ломки.

Для коренного исправленія нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній представляются необходимыми нижеслѣдующія мѣры: 1) улучшить матеріальное положеніе учителей такъ, чтобы они не были вынуждены выбиваться изъ силъ, набирая множество казенныхъ и частныхъ уроковъ, а могли бы принадлежать всецѣло одному учебному заведенію, давая въ немъ отъ 3 до 4 уроковъ въ день; 2) принять всѣ мѣры для улучшенія научной и педагогической подготовки кандидатовъ въ учителя въ русскомъ патріотическомъ направленіи; 3) не допускать ни чрезмѣрнаго увеличенія числа параллельныхъ классовъ въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи, ни въ особенности переполненія самихъ классовъ учащимися, каковое переполненіе клонится къ существенному вреду какъ для правильнаго обученія учениковъ, такъ и для сохраненія ихъ здоровья; 4) уменьшить изъ низшихъ общественныхъ классовъ притокъ къ общеобразовательнымъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, особенно же къ гимназіямъ и прогимназіямъ, чрезъ размноженіе всякаго рода школъ ремесленныхъ, техническихъ и профессіональныхъ, какъ болѣе пригодныхъ для низшихъ общественныхъ классовъ; 5) обратить особенное вниманіе на санитарное благоустройство среднихъ учебныхъ заведеній, на соблюденіе въ нихъ гигіеническихъ условій и на развитіе всякаго рода гимнастическихъ и физическихъ упражненій; 6) принять

всѣ мѣры къ воспитанію юношества въ религіозно-нравственномъ направленіи въ духѣ православной Церкви, а также въ патріотическомъ направленіи, обративъ вниманіе на развитіе въ учащихся духа дисциплины и полной благовоспитанности, и 7) возстановить преподаваніе естественной исторіи, положенное уставомъ 1871 г., но не въ старшихъ, а въ младшихъ классахъ, и улучшить учебные планы и программы по всѣмъ предметамъ учебнаго курса, начиная съ приготовительнаго класса, и сколь можно болѣе объединить преподаваніе въ каждомъ классѣ, а чрезъ то оживить его и сдѣлать болѣе легкимъ и плодотворнымъ для учащихся. На многія изъ этихъ мѣръ настойчиво указывалъ Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, особенно начиная съ 1887 г., и эти мѣры могли бы спасти все дѣло нашего образованія.

Для всѣхъ этихъ существенно важныхъ улучшеній нѣтъ ни малѣйшей надобности разрушать наши гимназіи и реальныя училища, какъ то нынѣ предположено, и возсоздавать на ихъ развалинахъ школу 1852 г., но еще болѣе многопредметную съ обязательнымъ для всѣхъ курсомъ законовѣдѣнія, а слѣдовательно, еще болѣе вредную.

XII. Успѣхи нашего средняго и высшаго образованія подъ вліяніемъ учебной реформы 1871 г.

Во всякомъ случаѣ состояніе нашей классической школы далеко не было такъ худо, какъ увѣряютъ наши

газеты и журналы, очевидно, и сами недостаточно въ этомъ увѣренные.

Успѣхи нашего общаго и научнаго образованія въ послѣдствіе учебной реформы 1871 г., водворившей у насъ классицизмъ, не могутъ подлежать никакому сомнѣнію. Возьмемъ для сравненія данныя за 1857—1866 годы, въ пору господства школы, установленной въ 1852 году, и за 1899 г. Число гимназій за эти 33 года увеличилось слишкомъ вдвое (съ 87 до 191), прогимназій и реальныхъ училищъ въ первый изъ указанныхъ періодовъ вовсе не было, въ 1899 г. ихъ было: 45 прогимназій и 113 реальныхъ училищъ. Оставляя въ сторонѣ реальныя училища, мы усматриваемъ, что число классовъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ увеличилось за эти 33 года почти въ 4 раза (съ 609 до 2382), число учащихся слишкомъ втрое (съ 25,755 до 77,041, что̀ даетъ на одну гимназію въ 1-й періодъ 296 уч., а во второй—362, а на одинъ классъ 42 въ первый періодъ и 32—во второй); число оканчивающихъ гимназическій курсъ возросло почти въ 4 раза (3,7) съ 1052 до 3966 (въ 1898 г.), а вмѣстѣ съ посторонними лицами, получившими свидѣтельства зрѣлости, до 4182 чел., что̀ даетъ на каждую гимназію въ 1-й періодъ 12 абитуріентовъ, а во 2-й—отъ 22 до 23 ч., или по отношенію къ общему числу учащихся въ 1-й періодъ—4%, а во 2-й—5,6%.

Конечно, классическое образованіе, какъ и всякое другое въ Россіи, нуждается въ поддержкѣ со стороны правительства, оказываемой въ видѣ многоразличныхъ

льготъ, правъ и преимуществъ: и все зданіе нашего образованія, если не вовсе рухнуло бы, то сильно запустѣло бы, коль скоро правительство ослабило бы или и вовсе отняло бы свою поддержку. Но при той поддержкѣ, которую до сихъ поръ оказывало правительство, наша классическая школа, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, по все возрастающему числу своихъ учениковъ, несомнѣнно преуспѣваетъ и процвѣтаетъ, чего, конечно, не могло бы быть, если бы эта школа, какъ увѣряютъ наши газеты, калѣчила своихъ учениковъ и физически, и умственно, и нравственно. У родителей есть достаточный выборъ учебныхъ заведеній для своихъ дѣтей, ибо кромѣ 191 гимназіи и 45 прогимназій, имѣется еще 113 реальныхъ училищъ, кадетскіе корпуса, коммерческія, техническія и сельско-хозяйственныя училища, и тѣмъ не менѣе при выборѣ учебныхъ заведеній для своихъ дѣтей родители, очевидно, не обращаютъ никакого вниманія на газетныя и журнальныя статьи противъ классицизма и слѣдуютъ только указаніямъ правительства, сообразуясь исключительно съ доступностью этихъ заведеній и съ предоставленными за полученные отъ нихъ аттестаты льготами, правами и преимуществами. Будетъ правительство предоставлять эти льготы, права и преимущества подъ условіемъ изученія обоихъ классическихъ языковъ, будутъ имъ учиться. Предоставитъ правительство тотъ или другой изъ этихъ языковъ или какой-либо другой учебный предметъ на волю самихъ учащихся и ихъ родителей, и нѣтъ сомнѣнія, что этому языку или этому предмету или вовсе

не будутъ учиться, или будутъ учиться очень немногіе, очень немного и непостоянно. Не только у насъ, но болѣе или менѣе вездѣ, огромное большинство учится только тому, чего безусловно требуетъ отъ него само правительство.

Изъ приведенныхъ выше непререкаемыхъ данныхъ усматривается не только внѣшній успѣхъ нашихъ гимназій со времени водворенія въ нихъ классицизма, но и внутренній успѣхъ: число успѣшно оканчивающихъ полный курсъ гимназій возросло съ этого времени не только абсолютно въ 4 раза (съ 1052 до 4182 чел.), но и относительно общаго числа учащихся, ибо это послѣднее только утроилось, а число окончившихъ успѣшно полный курсъ учетверилось, такъ что изъ 1000 учащихся и продолжающихъ учиться оканчивало полный курсъ до учебной реформы 1871 г. — 40 чел., а при господствѣ классицизма—56 чел. Очевидно, что успѣшное окончаніе гимназическаго курса съ обоими древними языками оказалось совершенно подъ силу нашимъ ученикамъ, даже болѣе подъ силу, чѣмъ когда ихъ обучали естествовѣдѣнію, законовѣдѣнію и другимъ предметамъ, загромождающимъ память, но мало развивающимъ умственныя способности. Во всякомъ же случаѣ университеты и другія высшія учебныя заведенія не въ правѣ сѣтовать на гимназіи, что онѣ даютъ имъ слишкомъ мало слушателей: и съ этимъ числомъ они не въ силахъ справиться; объ увеличеніи его нечего пока и думать.

Но относительно качества этихъ слушателей за послѣдніе 2—3 года раздаются жалобы со стороны самихъ

профессоровъ. Жалобы эти вызваны главнѣйше циркуляромъ покойнаго министра Н. П. Боголѣпова отъ 8-го іюля 1899 г.. въ которомъ онъ, съ голоса газетъ, выставилъ, хотя и съ оговорками, 24 обвинительныхъ пункта противъ нашей средней школы. Обвиненія эти представляются вообще мало обоснованными и не подтверждаются статистическими данными. Съ 1870 года по 1899 г. число студентовъ въ нашихъ университетахъ возросло съ 6238 чел. до 16497 чел. или слишкомъ въ два съ половиною раза (въ 2,65 раза), число же успѣшно оканчивающихъ полный университетскій курсъ кандидатами и дѣйствительными студентами или нынѣ съ дипломами 1-й и 2-й степени или лѣкарями, слишкомъ утроилось (увеличилось съ 760 до 2563 или въ 3,37 раза), такъ что до учебной реформы 1871 г., до водворенія классицизма въ нашихъ гимназіяхъ, изъ 1000 университетскихъ студентовъ оканчивали успѣшно курсъ 121, а по водвореніи классицизма—155 чел. Очевидно, что гимназіи даютъ университетамъ не только больше слушателей, но и лучше подготовленныхъ и болѣе успѣвающихъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ученіе въ гимназіяхъ должно достигать несравненно лучшихъ еще результатовъ и что совершенно неотложно принять всѣ необходимыя для того мѣры; но мѣры эти, очевидно, должны быть созидательными, а не разрушительными.

Пока въ гимназіяхъ учили и учатъ еще и по-гречески, и по-латыни, въ нихъ, какъ мы видѣли, увеличилось втрое число учившихся, вчетверо число успѣшно

оканчивающихъ курсъ, что̀ въ свою очередь повлекло за собою увеличеніе числа студентовъ въ нашихъ университетахъ въ 2,65 раза, а числа успѣшно оканчивающихъ въ нихъ курсъ въ 3,37 раза. Это не могло не отразиться самымъ благопріятнымъ образомъ на замѣщеніи преподавательскихъ должностей въ среднихъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для примѣра возьмемъ только гимназіи съ прогимназіями и университеты.

Въ 1874 г., когда гимназіи уже начали сильно оправляться отъ погрома начала пятидесятыхъ годовъ, но учебная реформа 1871 г. не могла еще дать всѣхъ благотворныхъ плодовъ своихъ, учебныя начальства продолжали встрѣчать еще большія затрудненія въ замѣщеніи учительскихъ должностей, не смотря на заботы и усилія центральнаго управленія Министерства. Такимъ образомъ изъ 179-ти учительскихъ вакансій, открывшихся въ 1874 году, 158 остались не замѣщенными къ 1-му января 1875 г., въ томъ числѣ по русскому языку и словесности 37, по обоимъ древнимъ языкамъ—67, по исторіи и географіи—13, по французскому языку—12, по нѣмецкому—9, итого, по группѣ историко-словесной *138;* по математикѣ и физикѣ — 12, по чистописанію, черченію и рисованію—7, по Закону Божію—1. А вотъ что свидѣтельствуетъ извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета за 1898 г.: въ теченіе этого года открывалось 165 учительскихъ вакансій, и изъ нихъ незамѣщенными къ 1-му января 1899 г. остались 58, въ томъ числѣ по русскому языку и словесности всего 6 (противъ 37), по обоимъ древнимъ языкамъ—11 (противъ 67),

по исторіи и географіи—2 (противъ 13), но по новымъ языкамъ 24 (противъ 21),—итого, по группѣ историко-словесной 43 (противъ 138); по математикѣ и физикѣ 7 (противъ 12), по графическимъ искусствамъ 1, по Закону Божію 7 (противъ 1). Если исключить изъ историко-словесной группы новые иностранные языки, по коимъ изъ всѣхъ историко-филологическихъ факультетовъ только одинъ с.-петербургскій берется пока за приготовленіе учителей, то окажется, что по этой группѣ незамѣщенныхъ учительскихъ вакансій было къ 1-му января 1899 г. всего 19, тогда какъ таковыхъ было 25 лѣтъ тому назадъ 116 или слишкомъ въ 6 разъ больше. Очевидно, какую громадную пользу въ этомъ отношеніи принесло преподаваніе обоихъ древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ.

То же самое видимъ и въ университетахъ. Къ 1-му января 1870 г. были положены 404 каѳедры ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ и 189 штатныхъ доцентуръ, всего 593 преподавательскихъ должности: на профессорскія каѳедры недоставало 101, на доцентуры 82 чел., и такимъ образомъ 183 изъ 593 (почти $^1/_3$ или 30,86%) преподавательскихъ должностей были не заняты, при чемъ въ запасѣ имѣлись всего 45 приватъ-доцентовъ и 15 преподавателей. Нынѣ же къ 1-му января 1899 г. штатныхъ профессуръ ординарныхъ и экстраординарныхъ имѣлось 528 и на нихъ наличныхъ профессоровъ штатныхъ и сверхштатныхъ было 580, на 52 чел. болѣе положеннаго. Если взять весь личный преподавательскій составъ всѣхъ нашихъ уни-

верситетовъ со штатными доцентами въ Юрьевскомъ и Варшавскомъ университетахъ, съ прозекторами и ихъ помощниками и лекторами (но безъ приватъ-доцентовъ), то увидимъ, что всѣхъ штатныхъ должностей положено 676, что онѣ были заняты 540 штатными должностными лицами и 171 сверхштатнымъ, т. е., было на 35 человѣкъ болѣе положеннаго, а вмѣстѣ съ 419 приватъ-доцентами на 454 больше положеннаго, тогда какъ при такомъ же точно расчетѣ для 1870 г. получимъ на 650 штатныхъ должностей 493 штатныхъ и сверхштатныхъ должностныхъ лица вмѣстѣ съ приватъ-доцентами и преподавателями, такъ что все-таки не доставало 157 лицъ. Въ такой обезпеченности нашего университетскаго преподаванія наличными силами нельзя видѣть только заслугу гимназическаго устава 1871 г. и насажденнаго имъ классицизма: такому благопріятному результату много содѣйствовалъ университетскій уставъ 1884 г., давшій такое широкое развитіе приватъ-доцентурѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ сберегающій для университетскаго преподаванія уже испытанныя силы ветерановъ науки.

Такъ ли это будетъ и въ послѣдствіи, когда, избави Богъ! осуществятся всѣ задуманныя нынѣ предположенія? Принятая нынѣ за образецъ школа 1852 г. оказалась совсѣмъ несостоятельною, особенно въ дѣлѣ снабженія нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній необходимыми для нихъ преподавателями. Нѣтъ основанія думать, чтобы иною была и предположенная нынѣ того же образца школа.

XIII. Успѣхи нашей ученой и учебной литературы подъ вліяніемъ учебной реформы 1871 г.

Не подлежитъ сомнѣнію также, что за это 30-лѣтіе всѣ отрасли науки сдѣлали въ Россіи громадные успѣхи, и между прочимъ, съ помощью бывшихъ питомцевъ нашихъ преобразованныхъ въ 1871 году гимназій. Ни о какой полнотѣ доказательствъ въ этомъ отношеніи здѣсь нечего и думать и приходится ограничиться лишь весьма немногими чертами, какъ-то: все бо̀льшимъ и бо̀льшимъ обрусеніемъ нашей Академіи Наукъ, даже и по каѳедрѣ классической филологіи, возможностью учено-критическихъ у насъ журналовъ, каковы, напримѣръ: „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и издаваемое въ Москвѣ г. Адольфомъ „Филологическое Обозрѣніе“, которое не уступитъ по своему достоинству и разнообразію ни одному изъ подобныхъ же германскихъ журналовъ (о возможности такихъ журналовъ лѣтъ 30 тому назадъ нечего было бы и думать), возможностью находить знатоковъ дѣла по всѣмъ отраслямъ знаній, по коимъ представляются въ Академію Наукъ сочиненія на соисканіе премій графа Уварова, графа Д. А. Толстого и др., появленіемъ въ теченіе этого 30-лѣтія нѣсколькихъ энциклопедическихъ словарей, изъ коихъ нѣкоторые, какъ Ефрона, а въ другихъ кое-какіе отдѣлы, не лишены извѣстнаго научнаго значенія, что̀ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ избыткѣ ученыхъ силъ, и, наконецъ, значительнымъ развитіемъ нашей учебной литературы по всѣмъ отраслямъ знанія. Изъ

каталоговъ учебныхъ книгъ, одобренныхъ для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія за три различные періода: за 1865 г., до учебной реформы, за 1875 г., когда реформа 1871 года только-что начинала приносить свои плоды, и наконецъ за 1900 годъ, когда учебная литература могла извлечь всю пользу изъ этой реформы, усматривается, что: 1) общее число одобренныхъ для употребленія въ средней школѣ учебныхъ книгъ возрасло съ 1865 г. въ 5 разъ, съ 213 до 1,069, а съ 1875 года въ 3 слишкомъ раза, съ 340 до 1,069; 2) на долю математики, физики и естествовѣдѣнія приходится сравнительно незначительное возрастаніе съ 76 до 207, менѣе чѣмъ втрое; 3) на долю исторіи и географіи съ 41 до 144, то-есть, слишкомъ въ 3½ раза; 4) собственно же по языкоученію число учебныхъ книгъ увеличилось за это время слишкомъ въ 7½ разъ, съ 96 до 721: по нѣмецкому языку съ 26 до 128, почти въ 5 разъ; по французскому языку съ 17 до 133, почти въ 8 разъ; по русскому языку и словесности съ 27 до 106, почти въ 4 раза; по латинскому языку съ 21 до 180, почти въ 9 разъ, и наконецъ, по греческому языку съ 5 до 156, то-есть, въ 31 разъ, а соединяя оба классическіе языка вмѣстѣ, получимъ увеличеніе числа посвященныхъ имъ учебныхъ книгъ съ 26 до 336, то-есть, почти въ 13 разъ.

При этомъ наблюдается нижеслѣдующее весьма интересное явленіе. Съ 1865 по 1875 гг., какъ по обоимъ древнимъ, такъ и по обоимъ новымъ языкамъ, замѣчается увеличеніе числа грамматикъ и книгъ для упраж-

ненiй, но не изданiй авторовъ съ комментарiями или хрестоматiй. Напротивъ, къ 1900 году начинаетъ все болѣе возрастать число изданiй авторовъ съ присособленiями и истолкованiями ихъ для русскихъ учениковъ. Такъ, по *греческому* языку въ 1865 году изданiй авторовъ было всего 3, въ 1875 г.—5, а въ 1900 г.—75; по *латинскому* языку — 8 и 8, а въ 1900 г. 57; по *французскому* языку — 0 и 4, а въ 1900 г. хрестоматiй 22, авторовъ же 43; по *нѣмецкому* языку—7 и 8, а въ 1900 г. хрестоматiй 33, авторовъ 31.

XIV. Заключенiе.

Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что не слѣдовало бы разрушать нынѣшнiя 8-классныя гимназiи съ обоими древними языками и съ приготовительнымъ при нихъ классомъ и на ихъ развалинахъ возсоздавать легковѣсную и многопредметную школу 1852 г., ибо это значило бы: 1) разорить собственными руками богатое, драгоцѣнное, прiобрѣтенное путемъ 30-лѣтнихъ трудовъ и значительныхъ пожертвованiй достоянiе, унаслѣдованное отъ великихъ Монарховъ Русской Земли Императоровъ Александра II и Александра III,—достоянiе, требующее, конечно, во многихъ отношенiяхъ упорядоченiя мѣрами разумными и созидательными, но прежде всего охраны отъ безрасчетнаго и насильственнаго опустошенiя и разоренiя. „Легче подавить умы и науки, чѣмъ вновь призвать ихъ къ жизни“. Съ тѣмъ вмѣстѣ 2) было бы обречено на погибель все наше дальнѣйшее

научное образованіе, особенно же по предметамъ міра внутренняго, духовнаго, къ научному изученію коихъ открываетъ доступъ только знаніе обоихъ древнихъ языковъ, и былъ бы положенъ конецъ научной и вообще духовной самобытности Россіи, и она снова была бы поставлена въ ученическія отношенія къ Западной Европѣ.

Въ частности, 3) пришлось бы обречь на упраздненіе историко-филологическое отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ и историко-филологическіе факультеты и институты, а частью и юридическіе факультеты и школы, или замѣщать ихъ каѳедры иностранными учеными, историко-филологическіе же факультеты и институты обречь на запустѣніе по неимѣнію подготовленныхъ для нихъ студентовъ, что̀ грозило бы неимѣніемъ учителей по предметамъ историко-словесной группы для среднихъ учебныхъ заведеній Имперіи, и слѣдовательно, полнымъ банкротствомъ всего нашего учебно-воспитательнаго дѣла, а между тѣмъ за послѣднія 50 лѣтъ (то-есть, съ 1852 г.) число среднихъ школъ увеличилось въ одномъ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія съ 74 до 600, то-есть, въ 8 разъ (не считая здѣсь 164 женскихъ прогимназій), и сильнѣйшее размноженіе ихъ въ значительныхъ размѣрахъ составляетъ настоятельную потребность нашего времени: объ удовлетвореніи этой потребности нечего будетъ и думать, когда не окажется учителей и для существующихъ нынѣ среднихъ школъ.

Пришлось бы 4) добровольно отречься отъ постановки, съ помощью греческаго языка, религіозно-нрав-

ственнаго образованія стремящейся къ высшимъ наукамъ молодежи на твердую научную почву, и отъ возможности привлечь ее къ изученію въ греческомъ подлинникѣ Новаго Завѣта, молитвъ и пѣснопѣній Православной Церкви и свято-отеческой литературы, а чрезъ то предохранить наше образованное общество отъ религіознаго индиферентизма, отрицательнаго отношенія къ Православной Церкви и отъ всякаго рода нигилистическихъ лжеученій.

При тѣхъ условіяхъ, при коихъ нынѣ имѣется въ виду возсоздать у насъ школу 1852 г., она стала бы 5) по преимуществу мѣщанскою чрезъ приравненіе учебнаго курса низшихъ трехъ ея классовъ къ учебному курсу уѣздныхъ и городскихъ училищъ и чрезъ предоставленіе окончившимъ въ ней курсъ права, независимо отъ происхожденія, на вступленіе въ гражданскую службу и на классный въ ней чинъ, черезъ что̀ крайне увеличилось бы въ средней, а затѣмъ и въ высшей, нашей школѣ число учащихся изъ низшей общественной среды, не имѣющей способовъ обезпечить ихъ ни достаточной пищей, ни достаточнымъ количествомъ чистаго воздуха, ни вообще соотвѣтственною домашнею обстановкою, и обрекающей ихъ на всякаго рода стѣсненія и лишенія, способныя развить въ нихъ чувства голоднаго пролетаріата; слѣдовательно, увеличилось бы число изморышей, сумрачныхъ, всѣмъ и всѣми недовольныхъ, по большей части безъ всякаго религіознаго и патріотическаго воодушевленія, каковыми и нынѣ снабжаетъ наши среднія и высшія школы по преимуществу низшая

общественная среда, для удовлетворенія потребностей которой по части образованія надлежало бы сколь можно болѣе размножать ремесленныя и всякаго рода техническія и профессіональныя училища, отнюдь не привлекая изъ этой среды еще въ бо̀льшихъ противъ нынѣшняго размѣрахъ, какъ нынѣ имѣется въ виду, въ общеобразовательныя училища среднія и въ высшія учебныя заведенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, 6) наши университеты переполнились бы преимущественно вышеозначенными, совсѣмъ неподходящими для нихъ студентами, чрезъ открытіе доступа на одни изъ ихъ факультетовъ (физико-математическій и восточныхъ языковъ), совсѣмъ безъ знанія древнихъ языковъ, на другіе (юридическій и медицинскій) съ ничтожнымъ знаніемъ языка латинскаго и только на историко-филологическій съ слабымъ знаніемъ и латинскаго, и греческаго языковъ, и чрезъ предоставленіе не учиться въ школѣ ни тому, ни другому, а только выдержать изъ нихъ экзаменъ въ самомъ университетѣ. Переполненные же такимъ образомъ университеты пришли бы въ несравненно большее, чѣмъ нынѣ, разстройство и въ совершенно хаотическое состояніе, которое не только несовмѣстно съ какимъ-либо правильнымъ обученіемъ и воспитаніемъ молодежи, но было бы небезопасно для всего нашего государственнаго и общественнаго строя.

Послѣ всего сказаннаго говорить ли еще, что 7) въ дѣлѣ просвѣщенія едва-ли подобаетъ идти не впередъ, а назадъ, за цѣлыхъ 50 лѣтъ.

8) Едва-ли подобаетъ также идти не обычнымъ, естественнымъ путемъ возведенія низшихъ школъ въ высшія, реальныхъ училищъ въ гимназіи, а противоестественнымъ путемъ низведенія высшихъ школъ въ низшія, гимназій въ школы „безъ имени и чести" (sans nom, ni honneur), какъ въ свое время такія школы называлъ одинъ изъ лучшихъ и честнѣйшихъ дѣятелей времени Наполеона III, министръ народнаго просвѣщенія и извѣстный историкъ Дюрюи (Duruy).

Не подобаетъ также 9) идти путемъ бифуркаціи съ IV-го класса,—путемъ, который вполнѣ и безповоротно осужденъ исторіей воспитанія и обученія.

Нельзя также 10) идти противоестественнымъ путемъ низведенія восьмиклассныхъ школъ въ семиклассныя,—противоестественнымъ въ виду все болѣе и болѣе увеличивающагося учебнаго матеріала хотя бы по такимъ только предметамъ какъ исторія (учебный курсъ которой прежде оканчивался 1815 годомъ, а нынѣ простирается до 1901 г.), какъ географія, какъ физика и т. д.

Нельзя 11) идти столь же противоестественнымъ путемъ созданія единообразной средней школы въ виду все болѣе разнообразящихся потребностей современнаго общества по части образованія, и, наконецъ, совсѣмъ нельзя 12) ставить Россію въ дѣлѣ общественнаго воспитанія и образованія ниже второстепенныхъ и третьестепенныхъ государствъ Европы, ниже Даніи и Греціи, ниже Швеціи и Норвегіи, ниже Сербіи, Болгаріи и Румыніи.

На какой неизмѣримой высотѣ стояли наши государственные люди 37 лѣтъ тому назадъ, когда въ засѣданіяхъ Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Государственной Экономіи Государственнаго Совѣта 15-го мая и 4-го іюня 1864 г. четыре члена его: генералъ-адъютантъ графъ С. Г. Строгоновъ, адмиралъ графъ Ѳ. П. Литке, бывшій Министръ Народнаго Просвѣщенія Е. П. Ковалевскій и тогдашній Министръ Народнаго Просвѣщенія статсъ-секретарь А. В. Головнинъ, подавая голосъ за то, чтобы изученіе греческаго и латинскаго языковъ было признано за основаніе общаго, приготовительнаго къ университету, образованія, говорили: „Весь образованный міръ, независимо отъ политическихъ и религіозныхъ разногласій, чувствуетъ себя одною великою семьей, духовное начало которой лежитъ въ греко-римскомъ мірѣ. Если мы желаемъ причислять себя къ семьѣ образованныхъ народовъ, то не должны и не имѣемъ права отказаться отъ изученія общеевропейскихъ источниковъ образованія“.

Неужели же теперь, черезъ 37 лѣтъ, послѣ славныхъ царствованій Императоровъ Александра II и Александра III, намъ нѣтъ болѣе мѣста въ семьѣ образованныхъ европейскихъ народовъ, а только среди покорныхъ ихъ учениковъ, на ряду съ Турціей, Персіей и Японіей, гдѣ также отражается свѣтъ европейской науки, но гдѣ нѣтъ настоящей европейской школы, гдѣ нѣтъ никакихъ прямыхъ связей не только съ христіанствомъ, но и съ міромъ классической древности, и гдѣ наука поэтому не производится самостоятельно?

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1. Разборъ учебнаго плана коммиссіи 1901 г.

Въ предположенной коммиссіей 1901 г. средней школѣ есть только одинъ, собственно, предметъ, на которомъ могутъ быть упражняемы умственныя способности учащихся. Это *математика*, и на нее назначено достаточно уроковъ (28 изъ 194, почти одна седьмая часть, 14,43% всего числа уроковъ).

Математика есть безспорно необходимый элементъ въ дѣлѣ умственнаго воспитанія, и ей должно принадлежать почетное мѣсто въ программѣ школы. Но математика не можетъ, да и по самому существу своему, не должна быть орудіемъ педагогической концентраціи, столь необходимой для достиженія главной и прямой цѣли школы—воспитанія ума. Элементарная математика, которая только и можетъ быть преподаваема въ средней школѣ, развиваетъ только дедуктивную, синтетическую сторону умственныхъ способностей, не упражняя индуктивной аналитической силы ума, и не дѣйствуетъ вовсе на воображеніе, на чувство, на волю учащихся. Сосредоточить преимущественно на математикѣ

учебныя занятія учащихся значило бы оставить въ небреженіи самыя существенныя силы, нарушить психическое равновѣсіе и сообщить развитію молодыхъ умовъ, ввѣренныхъ попеченіямъ школы, одностороннее, уродливое, неестественное направленіе. Объ этомъ совершенно правильно разсуждалъ еще въ началѣ истекшаго столѣтія, въ 1813 году, одинъ изъ выдающихся нашихъ дѣятелей конца XVIII и первой половины XIX столѣтія Ив. Матв. *Муравьевъ-Апостолъ* (1768 — 1851 гг.) въ своихъ «Письмахъ изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ». Приведя слова Шлецера: Noch keine Nation in der Welt ist der Barbarei durch Mathematik entrissen worden (т. е., еще ни одна нація въ мірѣ не была математикой исторгнута изъ варварства), Муравьевъ-Апостолъ указываетъ на чрезвычайное увлеченіе въ его время математикой у насъ въ Россіи и видитъ въ этомъ увлеченіи глубокое и пагубное заблужденіе. «Признаюсь, говоритъ онъ, я не могу смотрѣть на такого труженика (учебныя занятія котораго сосредоточиваются преимущественно на математикѣ) безъ крайняго о немъ сожалѣнія: мнѣ все кажется, что онъ или съ ума сойдетъ, или ничего не пойметъ, или выйдетъ изъ него такое странное метафизическое существо, которое и въ нравственныхъ отношеніяхъ будетъ всегда искать алгебраическихъ уравненій. Этотъ послѣдній родъ людей всѣхъ опаснѣе и всѣхъ несчастливѣе. Горе намъ, если много таковыхъ у насъ расплодится»!

Собственно говоря, кромѣ элементарной математики, никакая наука, въ спеціальномъ смыслѣ этого слова, не можетъ быть предметомъ преподаванія въ средней школѣ. Науки могутъ входить въ эту школу только въ качествѣ дополнительнаго элемента, только нѣкоторыми изъ своихъ результатовъ, а отнюдь не какъ предметъ серіознаго, по-

стояннаго и сосредоточеннаго занятія. Можно знакомить учащихся съ результатами наукъ по нѣкоторымъ отраслямъ вѣдѣнія; можно бесѣдовать съ ними о разныхъ предметахъ при свѣтѣ науки; но было бы несообразно съ здравымъ смысломъ думать, чтобы какая бы то ни была наука, въ спеціальномъ значеніи этого слова, могла стать предметомъ преподаванія въ той школѣ, гдѣ мальчикъ только готовится быть человѣкомъ, гдѣ умственныя силы находятся только въ зачатіи, изъ котораго нужно ихъ вызвать. Это было, повидимому, понято какъ слѣдуетъ коммиссіей 1901 г., и хотя она вводитъ многое множество учебныхъ предметовъ въ курсъ своей школы, но ни одному изъ нихъ не придаетъ строго-научнаго характера. Такъ, назначая на *естествовѣдѣніе* (считая только обязательные для всѣхъ уроки) вмѣстѣ съ физикой и космографіей 20 уроковъ (10,3% всего числа), коммиссія указываетъ для низшихъ трехъ классовъ на программу проф. Кайгородова, которая имѣетъ въ виду сообщить самыя элементарныя свѣдѣнія о трехъ царствахъ природы въ ихъ совокупности или въ «общежитіяхъ природы», какъ выражается почтенный профессоръ, съ цѣлью главнымъ образомъ пробудить въ дѣтяхъ любовь къ природѣ. Значительную часть всего курса естествовѣдѣнія (2/5 или 6 изъ 15 уроковъ) коммиссія не сдѣлала даже общеобязательною, очевидно, не придавая большого значенія этому предмету для умственнаго развитія учащихся, и обозначила курсъ VII класса какъ ознакомленіе съ строеніемъ человѣческаго тѣла и его отправленіями въ связи съ гигіеной. Естествовѣдѣніе въ средней школѣ, и по мнѣнію коммиссіи, очевидно, не тотъ предметъ, на которомъ могли бы сосредоточиться и воспитаться умственныя силы учащихся. Поэтому нельзя не пожалѣть, что собственно на естественную исто-

рію отведено слишкомъ много уроковъ (9): въ прусскихъ гимназіяхъ, правда, назначено то же число уроковъ на естественную исторію, но вѣдь прусскія гимназіи имѣютъ 9-лѣтній курсъ и общее число уроковъ въ нихъ простирается до 259, тогда какъ наши будущія школы разсчитаны на 7 лѣтъ, и въ нихъ предположено всего 194 урока.

Еще бо̀льшая расточительность обнаружена относительно *исторіи и географіи съ отечествовѣдѣніемъ*: на нихъ назначено 34 урока изъ 194 или 17,52%, тогда какъ въ прусскихъ гимназіяхъ отведено на эти предметы всего 28 уроковъ изъ 259 или 10,8%, въ томъ числѣ на исторію по 1 уроку въ низшихъ двухъ классахъ въ связи съ преподаваніемъ отечественнаго языка. Нигдѣ не прилагается такой заботы, какъ въ Пруссіи, къ развитію въ учащихся патріотическаго чувства съ помощью преподаванія исторіи, и однако же на біографическія свѣдѣнія изъ отечественной исторіи, и притомъ новѣйшей, назначается всего 1 урокъ въ недѣлю въ низшемъ классѣ, затѣмъ въ слѣдующемъ классѣ 1 же урокъ назначенъ на сказанія изъ классической древности, отечественная же исторія начинается уже послѣ древней въ классѣ, соотвѣтствующемъ нашему IV. А у насъ назначено по 2 урока въ I и II классахъ на эпизодическій курсъ русской исторіи и 2 же урока въ III классѣ на краткій систематическій курсъ русской исторіи, и это прежде чѣмъ пройдены географія Россіи и предшествовавшіе періоды всеобщей исторіи. Нельзя не высказать опасенія, какъ бы такое несвоевременное и усиленное преподаваніе русской исторіи не повлекло за собою, кромѣ напрасной траты дорогого времени, еще противоположныхъ намѣреніямъ коммиссіи результатовъ, а именно нѣкотораго пресыщенія отечественной исторіей, а между тѣмъ она вновь въ третій разъ

будетъ проходиться по частямъ: въ V классѣ до Монгольскаго нашествія включительно, въ VI—до Петра Великаго и въ VII—съ Петра Великаго и до нашихъ дней, и тутъ-то можно опасаться не только напрасной, но и вредной траты времени, а именно сообщенія такихъ подробностей изъ внутренняго быта Россіи за различные періоды ея исторіи, которыя представятъ ее и зиждительныя начала ея государственности не въ очень выгодномъ для нихъ свѣтѣ. Средняя школа какъ нельзя лучше исполнила бы свою обязанность, если бы крѣпко запечатлѣла въ памяти учащихся остовъ исторіи съ ея главнѣйшими событіями, числами и именами, безъ фальшивыхъ и игрушечныхъ прикрасъ, и пріучила бы учащихся къ повѣствовательному складу мысли и рѣчи. Излишество вредитъ, и эти 34 часа исторіи и географіи съ отечествовѣдѣніемъ въ воспитательномъ смыслѣ составятъ скорѣе слабость, чѣмъ силу задуманной школы.

Большая расточительность допущена также относительно числа уроковъ на *русскій языкъ* и *словесность* съ логикой, а именно ихъ назначено 30 или 15,46% всего числа, тогда какъ въ прусскихъ гимназіяхъ съ 9-лѣтнимъ курсомъ, при несравненно бо̀льшемъ богатствѣ нѣмецкой литературы, довольствуются всего 24 уроками, что̀ составляетъ 9,2%. Вездѣ учатъ дѣтей правильному употребленію ихъ отечественнаго языка, но нигдѣ не помышляютъ о томъ, чтобы сдѣлать отечественный языкъ предметомъ всесторонняго изученія и анализа. Нѣкоторые изъ составителей новѣйшихъ учебниковъ по русскому языку (какъ, напр., казанскій профессоръ Будде) пытаются сдѣлать русскій языкъ предметомъ строго-научнаго изученія для учащихся средней школы. Подобныя попытки не только безплодны, но и вредны, какъ въ этомъ можно и теперь убѣдиться, ознакомившись съ сравни-

тельнымъ курсомъ древне-церковно-славянскаго языка и языка русскаго, преподаваемымъ въ IV классѣ нашихъ гимназій и реальныхъ училищъ. «Будутъ ли на формахъ отечественнаго языка пытаться раскрыть законы человѣческаго разума, насколько они отразились въ строеніи языка, будутъ ли водить дѣтскіе умы по лабиринту сравнительнаго языкознанія, которое какъ предметъ серіозныхъ занятій доступно только для спеціальныхъ ученыхъ, будутъ ли наконецъ слѣдить со своими воспитанниками за историческими измѣненіями ихъ отечественнаго языка, посвящая ихъ въ спеціальности, которыя не представятъ для дѣтей ни интереса, ни смысла»,— всѣ подобныя попытки поставить преподаваніе отечественнаго языка въ средней школѣ на научную почву окажутся не только безплодною, но и вредною тратою времени,—вредною, потому что она безсмысленна и несовмѣстна съ существенно важною задачею пріучить дѣтей къ правильному употребленію ихъ отечественнаго языка. Назначеніе лишнихъ уроковъ на русскій языкъ и словесность будетъ невольно вовлекать учителей въ подобнаго рода попытки, и это тѣмъ болѣе, что курсъ IV класса сохраненъ коммиссіей въ нынѣшнемъ его видѣ: то же Остромирово евангеліе, тотъ же разборъ древне-церковно-славянскихъ формъ и сопоставленіе ихъ съ русскими,—словомъ, та же безплодная по своей несвоевременности славяно-русская филологія, которая уже столько времени обременяетъ учениковъ IV класса нашихъ гимназій и реальныхъ училищъ, а между тѣмъ въ «конспектѣ учебнаго плана для средней школы» совсѣмъ забыто такое полезное и крайне необходимое дѣло какъ пріученіе дѣтей со смысломъ и разумѣніемъ читать священныя и богослужебныя книги на употребительномъ нынѣ въ нашей Церкви церковно-славянскомъ языкѣ.

Что касается до *словесности*, русской и иностранной, на которую въ проектѣ отводится по 4 урока въ каждомъ классѣ, начиная съ V, то до сихъ поръ это былъ сборъ болѣе или менѣе жалкихъ отрывковъ изъ эстетики, изъ статей Бѣлинскаго и другихъ журнальныхъ критиковъ и изъ исторіи литературы, и курсъ этотъ былъ скорѣе разслабляющимъ и разсѣивающимъ, чѣмъ сосредоточивающимъ и укрѣпляющимъ умственныя силы учащихся. Что̀ станется съ этимъ курсомъ теперь, когда въ него будутъ внесены еще 10 иностранныхъ авторовъ и 9 новѣйшихъ русскихъ писателей, въ томъ числѣ графы А. К. и Л. Н. Толстые и Достоевскій? Можно опасаться, что курсъ этотъ менѣе, чѣмъ когда-либо, будетъ элементомъ правильнаго умственнаго воспитанія нашего юношества, а «будетъ истиннымъ крестомъ для всякаго порядочнаго учителя, а молодыхъ людей будетъ пріучать только къ фразерству и верхоглядству».

На *новые иностранные языки* назначено: на первый 21 урокъ (10,82%), а на второй 16 уроковъ (8,24%). Это немного; теперь на оба новые иностранные языка назначено въ гимназіяхъ однимъ урокомъ больше — 38 вмѣсто 37, а въ реальныхъ училищахъ 50 въ основномъ отдѣленіи съ дополнительнымъ классомъ и 53 въ коммерческомъ отдѣленіи; но эти уроки окажутся такъ же безплодны, какъ и въ настоящее время, и будутъ даже еще болѣе безплодны, чѣмъ нынѣ. Вообще живые иностранные языки не могутъ быть предметомъ основательнаго систематическаго изученія, какъ потому, что они не имѣютъ твердо установившейся грамматики, такъ и потому, что при ихъ изученіи всегда выдвигается на первый планъ, такъ-сказать, рыночная, а не научная ихъ цѣнность, что̀ тотчасъ же оказываетъ вліяніе на самый способъ ихъ преподаванія. Такъ, съ самаго на-

чала невозможно не обращать вниманія на произношеніе, которое въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ во французскомъ или англійскомъ, сильно расходится съ правописаніемъ. Затѣмъ преподаваніе идетъ ускореннымъ темпомъ, по возможности безъ грамматики, а нынѣ предложено еще въ низшихъ трехъ классахъ обучать по натуральному методу, т. е., безъ пособія родного языка учащихся. Можно ли ожидать какого-либо прока отъ такого преподаванія при переполненности нашихъ низшихъ классовъ и при нынѣшнихъ нашихъ учителяхъ новыхъ иностранныхъ языковъ?

Въ іюлѣ 1888 г. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія былъ приведенъ въ извѣстность весь преподавательскій составъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній по языкамъ нѣмецкому и французскому. Преподавателей *нѣмецкаго* языка было 362, изъ нихъ съ высшимъ образованіемъ 93 (25%) и съ среднимъ 121 (33%), остальные же 148 (42%) нигдѣ не кончили курса; удовлетворительными учителями изъ нихъ считались 156 (43%), совсѣмъ плохими 56 (15%), остальные 150 (42%) болѣе или менѣе сомнительными. Изъ 314 преподавателей *французскаго* языка съ высшимъ образованіемъ было 41 (13%), съ среднимъ образованіемъ 23 (7%), остальные же 250 (80%) нигдѣ не кончили курса; изъ нихъ удовлетворительными учителями показаны 67 (21%), совсѣмъ плохими 113 (32%), болѣе или менѣе сомнительными 134 (57%).

Съ того времени много было говорено о необходимости улучшить это въ высшей степени прискорбное положеніе дѣла, много было вырабатываемо проектовъ, были и соглашенія на этотъ счетъ съ французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, обнаружившимъ полнѣйшую готовность

помочь намъ въ этомъ дѣлѣ. Но до сихъ поръ ровно ничего не было сдѣлано.

Такіе учителя немногому научатъ своихъ учениковъ. Натуральный методъ не только тутъ не поможетъ, а скорѣе повредитъ. Это то же, что̀ обученіе съ голоса, какого по необходимости придерживаются иностранныя бонны и иностранные гувернеры и гувернантки, и которое удается съ нѣсколькими питомцами и питомицами, но едва-ли можетъ быть удачно въ болѣе или менѣе многолюдныхъ классахъ для приходящихъ. Въ этомъ отношеніи придется испытать справедливость латинскаго двустишія: Haurit aquam cribro. Qui discere vult sine libro (т. е., черпаетъ воду рѣшетомъ, кто хочетъ учиться безъ книги).

Во всякомъ же случаѣ ученіе это очень мало послужитъ къ воспитанію и развитію ума учащихся для науки и для всякой серіозной умственной дѣятельности; да и самый «конспектъ учебнаго плана средней школы» указываетъ, что грамматическія свѣдѣнія будутъ сообщаемы попутно съ разнаго рода упражненіями и чтеніемъ, а съ Шиллеромъ и Гёте, также какъ съ Мольеромъ, предоставляется знакомить учащихся не учителямъ нѣмецкаго и французскаго языковъ по принадлежности, а учителю русскаго языка и словесности.

Есть въ этой будущей средней школѣ и *латинскій языкъ*, но въ какомъ положеніи? Въ томъ же, если не въ худшемъ еще, въ какое онъ былъ поставленъ, послѣ погрома такъ-называемыхъ Уваровскихъ гимназій, въ школѣ 1852 г., которая нынѣ принята за образецъ для нашей будущей средней школы: всего по 16-ти уроковъ въ недѣлю въ 4-хъ высшихъ классахъ, начиная съ IV, и только для желающихъ! Что̀ значатъ эти 16 уроковъ латинскаго языка въ такой школѣ, объ этомъ выше приведено авторитетное мнѣніе

М. Н. Каткова. «Латинскій языкъ, говоритъ онъ, такимъ образомъ поставленный въ учебномъ планѣ гимназій, дѣлался элементомъ вредной многопредметности и только усиливалъ разслабляющее дѣйствіе школы».

Многопредметность въ задуманной нынѣ школѣ еще усиливается сравнительно со школою 1852 года тѣмъ, что *законовѣдѣніе* тогда было только для желающихъ, а теперь оно дѣлается общеобязательнымъ предметомъ съ назначеніемъ на него двухъ уроковъ въ VI классѣ и двухъ же въ VII. И въ эти-то 4 часа должны быть пройдены и энциклопедія права, и государственное право общее и русское, и обзоръ формъ государственнаго устройства важнѣйшихъ государствъ Европы (и это прежде, чѣмъ будетъ пройдена всеобщая исторія XVIII и XIX столѣтій), и основные законы Россійской Имперіи, и гражданское право съ процессомъ, и уголовное право съ процессомъ,—почти всѣ главнѣйшіе предметы юридическаго факультета.

Но все это многоученіе уму не научитъ, не разовьетъ и не укрѣпитъ ума, а только разсѣетъ и разслабитъ, и ужъ ни въ какомъ случаѣ не подготовитъ къ высшему научному образованію.

Если бы дѣло шло о томъ, чтобы вновь создать, *рядомъ съ существующими гимназіями и реальными училищами*, подобныя четырехклассныя среднія школы, примыкающія прямо къ курсу уѣздныхъ или городскихъ по Положенію 1872 г. училищъ, безъ всякаго права поступать изъ нихъ въ какія бы то ни было высшія учебныя заведенія, то съ подобными школами, за надлежащимъ, конечно, исправленіемъ предположеннаго для нихъ учебнаго плана, можно было бы еще примириться. Онѣ соотвѣтствовали бы до нѣкоторой степени прусскимъ шестиклассным Real- und Höhere

Bürgerschulen, въ настоящее время обозначаемымъ общимъ именемъ Realschulen, въ отличіе отъ девятиклассныхъ Oberrealschulen. Эти шестиклассныя реальныя училища въ Пруссіи предназначены для среднихъ классовъ городского населенія, тогда какъ девятиклассныя высшія реальныя училища удовлетворяютъ потребностямъ высшихъ классовъ городского населенія. Имъ предоставлены всѣ тѣ же права, какими прежде пользовались семиклассныя училища съ латинскимъ языкомъ. Впрочемъ и латинскій языкъ можетъ быть въ нихъ преподаваемъ въ низшихъ трехъ ихъ классахъ, такъ, чтобы учащіеся могли изъ нихъ переходить въ 4-й классъ какъ гимназій, такъ и девятиклассныхъ реальныхъ гимназій (безъ греческаго языка, но съ 49 часами латинскаго языка). Но обыкновенно окончившіе курсъ прусскихъ шестиклассныхъ реальныхъ училищъ дополняютъ свое образованіе въ какомъ-либо профессіональномъ училищѣ коммерческомъ, среднемъ техническомъ, сельско-хозяйственномъ и друг. У насъ до сихъ поръ тѣмъ же цѣлямъ служили реальныя училища, 4 низшіе класса коихъ подготовляли къ коммерческому отдѣленію, 5 классовъ къ среднему техническому училищу, 6 классовъ давали болѣе законченное образованіе съ правомъ на высшую льготу по образованію при отбываніи воинской повинности, 7 классовъ наконецъ давали даже право на поступленіе въ высшія спеціальныя училища. Такое многообразіе цѣлей, одновременно преслѣдуемыхъ нашими реальными училищами, дѣлая ихъ весьма полезными и соотвѣтствуя вообще скудости нашихъ денежныхъ средствъ, конечно, не совсѣмъ благопріятно отражается на систематичности и строгой правильности и послѣдовательности учебнаго ихъ курса, и при размноженіи всякаго рода среднихъ профессіональныхъ училищъ, быть можетъ, и обнару-

жилась бы потребность въ приготовительныхъ къ нимъ школахъ въ родѣ тѣхъ, которыя задуманы коммиссіей 1901 г., и школы эти, быть можетъ, оказались бы не безполезными для разныхъ практическихъ цѣлей. Въ такихъ школахъ не былъ бы неумѣстенъ и латинскій языкъ, для желающихъ, въ предположенныхъ коммиссіей размѣрахъ, ибо знаніе латинскаго языка приблизительно въ этихъ же или нѣсколько бо̀льшихъ размѣрахъ требуется нынѣ для поступленія какъ въ аптекарскіе ученики, такъ и въ римско-католическія духовныя семинаріи, а въ гимназіяхъ учебныхъ округовъ Виленскаго, Кіевскаго и Варшавскаго, въ низшихъ 4-хъ ихъ классахъ, есть не мало учениковъ, преслѣдующихъ именно одну изъ этихъ двухъ практичесиихъ цѣлей, и по окончаніи курса низшихъ 4-хъ классовъ гимназій вступающихъ на то или другое изъ этихъ поприщъ. При этомъ само собою разумѣется, что латинскій языкъ въ такихъ школахъ долженъ быть преподаваемъ въ низшихъ классахъ не только въ виду вышеуказанныхъ практическихъ цѣлей многихъ учащихся, но также и по педагогическимъ соображеніямъ: нельзя юношей 14—17 лѣтъ учить тому, чему должны учиться дѣти 9-ти—12-ти лѣтъ. Одинъ изъ весьма извѣстныхъ нѣмецкихъ педагоговъ такъ говоритъ объ этомъ предметѣ: «Ошибочно думать, будто бы въ болѣе поздніе годы легко наверстывать то, чему должны были учиться въ болѣе ранніе годы. Несомнѣнно, что взрослый юноша легче пойметъ основаніе тѣхъ или другихъ грамматическихъ явленій; но онъ находится въ невыгодномъ положеніи сравнительно съ учениками сексты (нашего низшаго класса) по значительно меньшей воспріимчивости его памяти къ матеріалу, который легко и охотно усвоиваетъ себѣ ученикъ сексты, но который гораздо труднѣе дается въ болѣе зрѣломъ воз-

растѣ. Если и теперь такъ часто слышны жалобы на формализмъ, господствующій въ низшихъ классахъ гимназій при обученіи латинскому и греческому языкамъ, то какія жалобы стали бы раздаваться, если бы взрослые юноши должны были усвоивать себѣ начатки латинскихъ и греческихъ склоненій».

Притомъ же латинскій языкъ въ низшихъ классахъ какъ нельзя болѣе пригодился бы при изученіи какъ отечественнаго языка, такъ и новыхъ иностранныхъ, особенно же языка французскаго

Во всякомъ случаѣ предположенныя коммиссіей 1901 г. школы не могутъ идти взамѣнъ не только гимназій, но и реальныхъ училищъ, а нужны ли намъ въ настоящее время особыя среднія школы такого низшаго типа, это вопросъ, на который едва-ли можно отвѣтить утвердительно.

№ 2. О числѣ уроковъ на древніе языки въ европейскихъ школахъ.

По новѣйшимъ свѣдѣніямъ [1]), въ *прусскихъ* гимназіяхъ изъ 259 уроковъ 68 назначены на латинскій языкъ и 36 на греческій, всего 104 урока на древніе классическіе языки, слишкомъ $^2/_5$ всего времени, тогда какъ на отечественный языкъ 24 часа, на исторію и географію 28, на естествовѣдѣніе (съ физикой) 18, на математику 34 урока; въ *саксонскихъ* гимназіяхъ изъ 258 уроковъ 72 на латинскій языкъ и 40 на греческій, вмѣстѣ 112 на древніе языки, болѣе $^2/_5$ (43,4%) всего учебнаго времени, а на отечественный языкъ 25 уроковъ, на исторію и географію 28, на естественную

[1]) Для Пруссіи см. Lehrpläne und Lehraufgaben für die höheren Schulen in Preussen. Halle. 1901, а для всѣхъ другихъ странъ — Baumeister — Die Einrichtung und Verwaltung des höheren Schulwesens in den Kulturländern von Europa und in Nordamerika. München. 1897.

исторію и физику 16 часовъ, на математику 32 часа; въ *вюртембергскихъ* гимназіяхъ на латинскій языкъ 81, на греческій 40, вмѣстѣ 121 изъ 263 (отъ $^2/_5$ до $^1/_2$, 46$^0/_0$), а на отечественный языкъ 30 уроковъ (въ томъ числѣ 8 въ I, низшемъ классѣ, для дѣтей 8—9 лѣтъ, коимъ еще не преподается латинскій языкъ), на исторію и географію 22 урока, на естественную исторію и физику 16, на математику 31; въ *баварскихъ* гимназіяхъ изъ 228 уроковъ назначено на латинскій языкъ 66, на греческій 36, вмѣстѣ 102 (отъ $^2/_5$ до $^1/_2$, 44,7$^0/_0$), а на отечественный языкъ 27 уроковъ, на исторію и географію 25, на естественную исторію 5 (по 1 уроку въ низшихъ 5-ти классахъ) и на математику съ физикой 33 урока. Въ 7-ми классахъ *французскихъ лицеевъ* (не считая section élémentaire) изъ 136$^1/_2$ уроковъ назначено на латинскій языкъ 37, на греческій 22, и сверхъ того на чтеніе философскихъ сочиненій латинскихъ и греческихъ въ классѣ философіи 3 урока, всего 62 урока (болѣе $^2/_5$ всего учебнаго времени, 45,4$^0/_0$), а на отечественный языкъ 17 уроковъ, на исторію и географію 18 уроковъ, на естественную исторію и физику 9 уроковъ, на математику 10$^1/_2$ уроковъ. *Въ англійскихъ общественныхъ школахъ* (public schools) болѣе чѣмъ гдѣ-либо преобладаютъ древніе языки. Такъ, въ *Kings College School* въ Лондонѣ изъ 30 уроковъ 16 приходятся на долю классическихъ языковъ (слѣдовательно, болѣе половины), по 2 урока на математику и на французскій и 10 уроковъ на всѣ другіе предметы. Въ *Harrow School* изъ 21$^3/_4$—24$^1/_2$ уроковъ, смотря по классамъ, на долю древнихъ языковъ вмѣстѣ съ Закономъ Божіимъ приходится отъ 14$^1/_4$ до 17$^1/_2$ часовъ, на математику отъ 3$^1/_4$ до 3$^1/_2$, на естествовѣдѣніе отъ 1$^1/_2$ до 2 часовъ, на французскій языкъ отъ 1$^3/_4$ часовъ до 2$^1/_2$ ча-

совъ. То же самое явленіе болѣе или менѣе замѣчается и во всѣхъ другихъ культурныхъ странахъ Европы.

Вотъ данныя изъ того же изданія Баумейстера о числѣ гимназій въ нѣкоторыхъ малыхъ государствахъ Европы и о числѣ уроковъ въ этихъ гимназіяхъ на древніе классическіе языки. Въ *Даніи* на 2,600,000 жителей 32 гимназіи (13 правительственныхъ, 5 городскихъ и 14 частныхъ, отчасти вспомоществуемыхъ изъ казны). Въ нихъ 6 классовъ, но поступаютъ въ нихъ 11-ти лѣтъ отъ роду по окончаніи полнаго курса элементарнаго училища, соотвѣтствующаго нашимъ городскимъ училищамъ по Положенію 1872 г. На латинскій языкъ въ этихъ шестиклассныхъ гимназіяхъ назначено 44 урока и на греческій языкъ 22 урока.

Въ Швеціи и Норвегіи на 7 милл. жителей 53 классическія школы: въ Швеціи 31, въ Норвегіи 22. Въ *Швеціи* школы эти девятиклассныя. Принимаются дѣти 9-ти лѣтъ отъ роду съ знаніемъ курса начальныхъ народныхъ училищъ. Латинскій языкъ начинается съ IV класса, греческій съ VI. На латинскій языкъ назначено 40 уроковъ, на греческій 24 урока. Въ *Норвегіи* число классовъ то же; но низшіе 6 классовъ составляютъ какъ бы особую среднюю школу, въ которой латинскій языкъ начинается съ IV класса, но можетъ быть замѣненъ англійскимъ языкомъ, и которая увѣнчивается 3-мя классами или латинской (классической) гимназіи или же реальной гимназіи, безъ латинскаго языка. Въ классической школѣ назначено 49 уроковъ на латинскій языкъ въ 6-ти классахъ (7, 7, 7, 9, 10 и 9 уроковъ) и 21 урокъ на греческій языкъ въ высшихъ 3-хъ классахъ, по 7 уроковъ въ каждомъ. Самую слабую сторону шведскихъ и норвежскихъ гимназій, по мнѣнію лучшихъ европейскихъ педагоговъ, составляетъ то, что въ нихъ слишкомъ поздно

начинается изученіе латинскаго языка (съ IV класса) и греческаго (съ VI и даже съ VII), въ тотъ возрастъ учащихся, когда требуются особыя усилія памяти, чтобы одолѣть въ сравнительно короткое время латинскія и греческія склоненія и спряженія. Поэтому нигдѣ не раздаются такіе вопли на переутомленіе учащихся, какъ въ Швеціи и Норвегіи.

Въ *Греціи* обученіе начинается 4-лѣтнимъ элементарнымъ курсомъ, за которымъ слѣдуетъ трехклассная эллинская школа, завершаемая четырехклассною гимназіей. На долю средней школы приходится 7 лѣтъ. Древній греческій языкъ начинается съ I класса эллинской школы, и на него назначено 74 урока, тогда какъ на латинскій языкъ, начинающійся съ III класса эллинской школы, назначено всего 18 уроковъ, что̀ и составляетъ наиболѣе слабую сторону греческихъ среднихъ школъ. На $2^1/_2$ милл. жителей существуетъ 38 гимназій (не считая 15 частныхъ) и 219 эллинскихъ школъ (не считая 29 частныхъ).

№ 3. О сравнительно маломъ числѣ учениковъ, не успѣвающихъ въ нашихъ гимназіяхъ въ греческомъ языкѣ.

Вотъ точныя данныя по этому предмету. Изъ нашихъ гимназій и прогимназій ежегодно за безуспѣшность увольняются человѣкъ 12 изъ 1000 учащихся, что̀ даетъ отъ 3 до 4 чел. на каждое учебное заведеніе (точнѣе по 38 на каждыя 10 уч. зав.). Не успѣваютъ эти ученики обыкновенно въ двухъ, трехъ и даже большемъ числѣ предметовъ, но изъ 100 увольняемыхъ не успѣвающихъ въ латинскомъ языкѣ оказывается 64 (почти $^2/_3$), не успѣвающихъ въ русскомъ языкѣ 57, въ математикѣ 54 (т. е., болѣе половины), не успѣвающихъ же въ греческомъ языкѣ всего 34 (лишь

одна треть). Если бы кто возымѣлъ безумную мысль исключать изъ учебнаго курса какой-либо предметъ за то, что въ немъ оказывается нѣсколько не успѣвающихъ учениковъ, то прежде всего за эту вину пришлось бы изгнать латинскій языкъ, затѣмъ русскій языкъ и математику, а уже послѣ того очередь дошла бы и до греческаго языка.

№ 4. Погромъ Уваровскихъ гимназій и возникновеніе школы 1852 г.

Погромъ этотъ совершился постепенно и мало-по-малу въ теченіе трехъ лѣтъ слишкомъ (съ 21-го марта 1849 г. по 12-е мая 1852 г.). 21-го марта 1849 года состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ измѣненіи §§ 145 и 235 устава гимназій 1828 года. Статьи эти говорятъ объ обученіи греческому языку и о присвоеніи учащимся оному при поступленіи въ гражданскую службу чина XIV-го класса; но въ законодательномъ актѣ 21-го марта 1849 г. съ этимъ измѣненіемъ связаны многія другія существенныя и коренныя перемѣны, а именно: гимназіямъ было придано двоякое назначеніе—готовить или къ продолженію ученія въ университетахъ или прямо ко вступленію въ гражданскую службу, при чемъ для первой цѣли учатся латинскому языку, но начиная съ IV-го класса, а для второй цѣли вводится новый предметъ—русское законовѣдѣніе и усиливается на 2 урока преподаваніе какъ русскаго языка, такъ и математики. Поощреніе чиномъ XIV-го класса за ученіе греческому языку отмѣняется, но оно достается на долю особенныхъ и отличныхъ познаній въ русскомъ законовѣдѣніи, при чемъ однако же прямо оговаривается, что этимъ поощреніемъ могутъ пользоваться только тѣ воспитанники, которые по своему происхожденію имѣютъ право всту-

пать въ государственную службу; воспитанники же изъ дѣтей личныхъ почетныхъ гражданъ, купцовъ и мѣщанъ, удостоенные награды золотою или серебряною медалью, получаютъ личное званіе почетнаго гражданина. Тогдашніе противники ученой школы, желая отвлечь отъ поступленія въ университеты особыми преимуществами для поступающихъ прямо въ гражданскую службу, во-первыхъ, требовали отъ желающихъ воспользоваться этими преимуществами особенныхъ и отличныхъ познаній въ русскомъ законовѣдѣніи, а во-вторыхъ, ограничивали присвоеніе этихъ преимуществъ лишь кругомъ лицъ, которыя по своему происхожденію имѣютъ право на вступленіе въ государственную службу, и такимъ образомъ нисколько не усиливали для низшихъ общественныхъ классовъ тяги къ среднему образованію, а напротивъ въ этомъ же самомъ актѣ подтверждали, что въ число воспитанниковъ гимназій допускаются и всѣ лица свободныхъ состояній, но всегда не иначе, какъ по предварительномъ, на законномъ основаніи, увольненіи ихъ изъ прежняго сословія.

Вслѣдъ за симъ 30-го апрѣля 1849 года статсъ-секретарь Танѣевъ сообщилъ Министру Народнаго Просвѣщенія, что Государь Императоръ Высочайше соизволяетъ, чтобы штатъ студентовъ въ университетахъ былъ ограниченъ числомъ 300 въ каждомъ, съ воспрещеніемъ пріема студентовъ, доколѣ наличное число студентовъ не войдетъ въ сей узаконенный размѣръ. Съ симъ вмѣстѣ Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы при будущихъ пріемахъ въ студенты избирать изъ кандидатовъ однихъ самыхъ отличныхъ по нравственному образованію.

11-го мая 1849 г. графъ С. С. Уваровъ осмѣлился доложить, что штатами и особыми положеніями опредѣлено

только число казеннокоштныхъ студентовъ—педагогическихъ, медицинскихъ и богословскихъ (въ Дерптскомъ университетѣ), къ каковымъ должно присоединить пансіонеровъ и стипендіатовъ разныхъ заведеній и частныхъ лицъ, ревнителей просвѣщенія, что таковыхъ штатныхъ студентовъ было въ 1848 г. въ 6-ти университетахъ 672 при общемъ числѣ студентовъ въ 3674 чел. (въ С.-Петербургскомъ университетѣ 650, въ Московскомъ 1165, въ Казанскомъ 325, въ Харьковскомъ 425, Св. Владиміра въ Кіевѣ 507 и въ Дерптскомъ 602) и что, по его мнѣнію, Высочайшее повелѣніе ограничить штаты и воспретить пріемъ касается только своекоштныхъ студентовъ. На этомъ докладѣ собственною рукою Императора Николая I было написано: „Объ казенныхъ и рѣчи нѣтъ, приказаніе касается до *вольноприходящихъ* и до *слушателей*. Въ медицинскій факультетъ принимать можно *неограниченное число*, но съ условіемъ строгой нравственности; затѣмъ, *съ этими* не дозволять, чтобы общее число *вольныхъ превосходило 300 человѣкъ*". 1-го августа 1849 года статсъ-секретарь Танѣевъ сообщилъ Министру Народнаго Просвѣщенія, что Государь Императоръ, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго представленія Рижскаго военнаго губернатора и генералъ-губернатора Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго князя Суворова о нераспространеніи на Дерптскій университетъ ограниченнаго пріема студентовъ, Высочайше согласиться изволилъ: не ограничивать числа поступающихъ въ богословскій и медицинскій факультеты. Но для прочихъ факультетовъ Его Императорское Величество находитъ число 300 достаточнымъ, признавая полезнымъ, чтобы дѣти благороднаго сословія искали преимущественно, какъ потомки древняго рыцарства, службы военной предъ службой гражданскою. На сей конецъ имъ открыта возможность по-

ступать въ военно-учебныя заведенія или же прямо въ ряды войскъ, для чего и университетское образованіе не есть необходимость. 15-го декабря 1849 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, сообщенное также статсъ-секретаремъ Танѣевымъ, запретить студентамъ медицинскаго факультета переходить въ другіе факультеты, а равно и выбывшихъ изъ сего факультета не принимать въ другіе. 26-го января 1850 г. уже новымъ министромъ княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ было испрошено Высочайшее повелѣніе въ число 300, независимо отъ медицинскаго факультета, опредѣлять, при удовлетворительности приготовительныхъ свѣдѣній и при равномъ удостовѣреніи отличной нравственности кандидатовъ, прежде всего тѣхъ изъ нихъ, которые по своему происхожденію имѣютъ право на вступленіе въ гражданскую службу и только въ томъ случаѣ допускать лицъ изъ состояній, не имѣющихъ права на вступленіе въ гражданскую службу, если комплектъ 300 не будетъ заполненъ лицами привилегированныхъ сословій. 13-го марта 1850 г. мѣра эта распространена и на Дерптскій университетъ, за исключеніемъ, кромѣ медицинскаго, еще и богословскаго факультета.

Но греческій языкъ еще продолжалъ преподаваться для желающихъ поступить на историко-филологическій факультетъ, при чемъ на предметъ этотъ по таблицѣ, утвержденной 21-го марта 1849 г., было назначено всего 8 уроковъ съ IV-го класса, по 2 въ каждомъ классѣ (всего 10 час.), на латинскій же языкъ также съ IV-го класса 16 уроковъ (всего 20 часовъ). 3-го октября 1851 г., при разсмотрѣніи смѣты расходовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Императоръ Николай I „изъявилъ Высочайшую волю знать мнѣніе Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Товарища Министра А. С. Норова: не полагаетъ ли

онъ также, какъ Его Величество, что преподаваніе греческаго языка *во всѣхъ гимназіяхъ* совершенно лишне?“ „Его Императорское Величество,—сообщалъ статсъ-секретарь Танѣевъ,—изволилъ находить достаточнымъ оставить преподаваніе сего языка только въ нѣкоторыхъ, напримѣръ, въ Нѣжинѣ и Таганрогѣ, въ прочихъ же отмѣнить, и за симъ исключить изъ смѣты жалованье греческимъ учителямъ въ упраздненныхъ мѣстахъ“. А. С. Норовъ былъ слишкомъ совѣстливъ, чтобы безъ всякихъ оговорокъ присоединиться къ мнѣнію даже Самого Государя Императора, котораго онъ самъ не раздѣлялъ. На всеподданнѣйшей докладной запискѣ А. С. Норова по сему предмету, Государь Императоръ изволилъ собственноручно написать: „Оставить рѣшеніе сего до возвращенія князя Шихматова“. По возвращеніи князь Ширинскій-Шихматовъ въ докладной запискѣ отъ 12-го октября 1851 г. доносилъ, что онъ и самъ личнымъ обозрѣніемъ въ 1850 и 1851 гг. значительнаго числа гимназій удостовѣрился, что преподаваніе если не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ во многихъ гимназіяхъ, греческаго языка излишне, что изъ 74 гимназій греческій языкъ преподавался въ 45, при чемъ въ Ровенской гимназіи этому предмету обучалъ безвозмездно православный законоучитель, что Министръ предполагалъ сохранить преподаваніе греческаго языка въ одной изъ гимназій каждаго изъ университетскихъ городовъ „для приготовленія молодыхъ людей къ поступленію въ университеты по историко-филологическому факультету, въ который никто не принимается безъ знанія греческаго языка“, а также въ одной изъ Одесскихъ, въ Таганрогской, Нѣжинской и Кишиневской гимназіяхъ „по значительности тамъ греческаго населенія“ и наконецъ, въ Ригѣ, Ревелѣ и Митавѣ, „по уваженію къ особому устройству гимназій Дерптскаго

учебнаго округа, имѣющихъ преимущественною цѣлью *филологическое* приготовленіе молодыхъ людей въ высшему образованію, по каковой причинѣ эти заведенія оставлены на прежнемъ основаніи и въ 1849 г., когда введено было преподаваніе законовѣдѣнія во всѣ прочія гимназіи", и что жалованье, производившееся учителямъ греческаго языка, онъ, Министръ, предполагалъ употребить на введеніе въ гимназическій курсъ естественныхъ наукъ, «которыя, составляя потребность современнаго образованія, преподаются въ сокращенномъ объемѣ не только въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, но даже и въ состоящихъ подъ покровительствомъ Государыни Императрицы институтахъ для воспитанія дѣвицъ». Князь Ширинскій-Шихматовъ имѣлъ въ виду ввести естественныя науки и въ прочихъ гимназіяхъ, «если только откроются къ тому денежныя средства». «По моему мнѣнію, продолжалъ онъ, съ допущеніемъ этой мѣры не только довершилась бы полнота образованія учениковъ, намѣревающихся прямо изъ гимназій поступить въ гражданскую службу, но и ощутительно облегчилось бы подробное и основательное изученіе естественныхъ наукъ для студентовъ физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ, о чемъ неоднократно и убѣдительно просили меня профессора естественныхъ наукъ». На докладѣ этомъ послѣдовала Высочайшая резолюція: «Согласенъ».

Такимъ образомъ преподаваніе греческаго языка было сохранено въ 13 гимназіяхъ изъ 74, почти въ одной шестой части (17,5%) всего числа гимназій. При нынѣшнемъ числѣ гимназій и прогимназій это дало бы 32 гимназіи и 7 или 8 прогимназій съ обоими древними языками.

12-го мая 1852 г. была утверждена новая таблица уроковъ въ гимназіяхъ, съ 2-мя отдѣленіями, начиная съ IV-го класса, для поступающихъ: 1) въ университеты и обязан-

ныхъ для сего немножко поучиться латинскому языку (всего 16 годовыхъ уроковъ) и 2) для поступающихъ въ гражданскую службу съ преподаваніемъ русскаго законовѣдѣнія, по 12-ти уроковъ, начиная съ V-го класса, въ нѣкоторыхъ же гимназіяхъ и въ томъ, и въ другомъ отдѣленіи была введена естественная исторія (11 уроковъ или $13^3/_4$ часа во всѣхъ классахъ), и такія гимназіи назывались гимназіями съ законовѣдѣніемъ и естественною исторіей, въ отличіе отъ большей части гимназій (съ законовѣдѣніемъ) и 13-ти гимназій съ греческимъ языкомъ. Въ послѣднихъ было назначено: $27^1/_2$ часовъ на латинскій языкъ и $23^3/_4$ на греческій, $51^1/_4$ часа на оба, а теперь въ 5-ти гимназіяхъ предполагается по 30 уроковъ на латинскій языкъ и по 20 на греческій, всего 50 уроковъ.

Изъ этихъ данныхъ видно, что въ 1849—1852 гг. погромъ гимназій состоялся въ видахъ сокращенія числа студентовъ въ университетахъ: для этого понадобилось выдвинуть впередъ практическую цѣль гимназическаго образованія—приготовленіе къ службѣ вмѣсто рѣшительно преобладавшей прежде научной цѣли приготовленія къ высшимъ наукамъ въ университетахъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ раздвоить гимназіи, оставивъ лишь 13 цѣльныхъ гимназій съ обоими древними языками въ надеждѣ, не будутъ ли оттуда поступать въ историко-филологическіе факультеты. Изученіе русскаго законовѣдѣнія и поступленіе на это отдѣленіе всячески поощрялось; но не столько эти поощренія, сколько запрещеніе имѣть въ трехъ факультетахъ каждаго университета болѣе трехсотъ человѣкъ студентовъ дѣйствительно повело къ значительному уменьшенію числа студентовъ: въ 1848 г. ихъ было 3674, а въ 1850 г. уже 3018 чел.

Царское Село. —25 октября 1901 г.

3 2044 018 704 353

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE
1981
CANCELLED
JUN 3 3

WIDENER
FEB UN 0 1996
CANCELLED